

Борис Соколов

**Мифическая
ВОЙНА**

Миражи Второй Мировой

Борис Соколов

**Мифическая война.
Миражи Второй Мировой**

«Яуза»

2011

Соколов Б. В.

Мифическая война. Миражи Второй Мировой / Б. В. Соколов —
«Яуза», 2011

«Неизвестная война» – так называли в американском прокате знаменитый документальный телесериал Романа Кармена о Второй Мировой, снятый на излете советской эпохи. Но даже сегодня, через 65 лет после Победы, Великая Отечественная остается во многом неизвестной войной, история которой насквозь мифологизирована, – мы судим о ней не столько по документам и фактам, сколько по пропагандистским легендам и идеологическим штампам, унаследованным от СССР. Патриотические мифы есть у каждого народа, во время войны они совершенно необходимы, вера в них укрепляет моральный дух армии. Но через две трети века после катастрофы настало время не верить, а знать – хотя бы для того, чтобы не допустить ее повторения. Эта книга – настоящее «покушение на миражи». Это сенсационное расследование опровергает самые расхожие и застарелые мифы о Второй Мировой, восстанавливая подлинную историю величайшей трагедии XX столетия во всем ее ужасе и величии.

© Соколов Б. В., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

Миф пакта Молотова – Риббентропа	5
Миф битвы за Атлантику	7
Миф добровольного присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии	9
Миф линии Маннергейма	12
Миф Дюнкерка	15
Миф операции «Морской лев»	18
Миф «Битвы за Британию»	21
Миф добровольного присоединения к СССР государств Прибалтики	23
Миф Катюни	26
Миф добровольного присоединения к СССР Бессарабии и Северной Буковины	29
Миф о том, что Сталин боялся Гитлера	31
Миф о том, что в начале Великой Отечественной войны вермахт имел численное преимущество над Красной Армией	34
Миф танка Т-34 как лучшего танка Второй мировой войны	38
Миф подвига Николая Гастелло	40
Миф Смоленского сражения	42
Миф блокады Ленинграда	44
Миф Киевского окружения	47
Миф обороны Одессы	50
Миф Вяземского окружения	52
Миф Московской битвы	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Борис Вадимович Соколов

Мифическая война.

Миражи Второй Мировой

Миф пакта Молотова – Риббентропа

Главный миф, связанный с советско-германским пактом о ненападении, заключается в утверждении, будто он был вызван неудачей переговоров о союзе с Англией и Францией, продиктован заботой об обеспечении безопасности СССР, а также страхом, который Сталин питал перед Гитлером, и стремлением предотвратить или хотя бы отдалить столкновение с Германией. Пакт с Германией также нередко оценивают как ошибку Сталина.

В марте 1939 года Гитлер оккупировал Чехословакию, сделав ничтожными Мюнхенские соглашения. После этого Англия и Франция дали гарантии безопасности и территориальной целостности Польши, которая могла стать следующей жертвой германской агрессии. Тем самым был признан крах политики «умиротворения». 3 мая 1939 года председатель Совнаркома Вячеслав Молотов сменил Максима Литвинова на посту наркома иностранных дел. Тем самым было устранено важное препятствие для начала переговоров с Германией на самом высоком уровне. Литвинов для таких переговоров не подходил как из-за своего еврейского происхождения, так и потому, что его имя ассоциировалось с политикой коллективной безопасности, направленной против Германии. На следующий день германский поверенный в делах в Москве сообщал: «Считают, что Молотов (не еврей) «самый близкий друг и соратник Сталина». Его назначение, видимо, гарантирует, что внешняя политика будет дальше проводиться в строгом соответствии с идеями Сталина».

Летом 1939 года Гитлер готовился напасть на Польшу, от которой он требовал уступки «Данцигского коридора», отделявшего Восточную Пруссию от остальной территории Германии. 11 августа в Москве начались переговоры о заключении военного союза СССР, Англии и Франции. Париж и Лондон видели в этом союзе единственное средство предотвратить оккупацию Польши Рейхом, так как сами не могли быстро развернуть свои армии против Гитлера. К тому же во Франции общественность не горела желанием «умирать за Данциг». Сталину же переговоры с Парижем и Лондоном нужны были для давления на Гитлера. Еще 7 августа Политбюро приняло решение в нужный момент предъявить партнерам заведомо неприемлемое требование о предварительном допуске Красной Армии на территорию Польши и Румынии. Согласиться на это требование без согласия Польши и Румынии Англия и Франция не могли. А шансов получить согласие Варшавы и Бухареста не было. По словам Уинстона Черчилля, «препятствием к заключению такого соглашения (с СССР) служил ужас, который эти самые пограничные государства испытывали перед советской помощью в виде советских армий, которые могли пройти через их территории, чтобы защитить их от немцев и попутно включить в советско-коммунистическую систему. Ведь они были самыми яростными противниками этой системы. Польша, Румыния, Финляндия и три прибалтийских государства не знали, чего они больше боялись, – германской агрессии или русского спасения». Также сомнения в боеспособности Красной Армии были одной из важных причин, почему Англия и Франция в 1939 году не спешили заключать военный союз с СССР. Чемберлен еще в марте признавался в одном частном письме, что не верит, что Советская Россия «сможет вести эффективные наступательные действия, даже если захочет». Слабость Красной Армии вскоре доказала советско-финская война. Но Чемберлен серьезно ошибался, когда говорил членам своего

кабинета, что не верит в «прочность России и сомневается в ее способности оказать помощь в случае войны».

Обвинив партнеров в нежелании надавить на Польшу и Румынию, Москва прервала переговоры и 21 августа объявила о намерении принять рейхсминистра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа. Из-за спешки советскую ПВО не успели предупредить, и самолет Риббентропа был обстрелян. В Берлине закрыли глаза на инцидент. Соглашение с СССР было важнее.

22 августа, накануне заключения советско-германского пакта, Чемберлен писал Гитлеру: «Каким бы ни оказался по существу советско-германский договор, он не может изменить обязательства Великобритании по отношению к Польше, о котором правительство Его Величества неоднократно и ясно заявляло и которое оно намерено выполнять». Соглашаясь на советско-германский пакт о ненападении, фюрер знал, что нападение Германии на Польшу приведет ко Второй мировой войне.

23 августа Риббентроп прибыл в Москву, где вместе с Молотовым подписал Договор о ненападении и секретный дополнительный протокол к нему о разграничении «сфер интересов». На протоколе настояла советская сторона. В Польше оно было проведено по линии рек Нарев, Висла и Сан. Кроме того, Германия получала Литву, а СССР – Латвию, Эстонию, Финляндию и Бессарабию. Договор дал зеленый свет германской агрессии против Польши, а тем самым – и Второй мировой войне. Гитлер 28 августа заявил своим партийным соратникам: «Это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола». Сталин считал точно так же, рассчитывая, что, когда Гитлер увязнет на Западном фронте, можно будет ударить ему в спину и захватить как минимум пол-Европы.

Впоследствии Сталин, а вслед за ним – другие советские политики и историки утверждали, что СССР вынужден был пойти на подписание пакта о ненападении с Германией, поскольку в августе 1939 года существовала реальная угроза образования единого антисоветского фронта Германии, Италии, Англии и Франции. В действительности в тот момент между Гитлером и западными державами после оккупации и расчленения Чехословакии отсутствовало даже минимальное взаимное доверие, необходимое для создания каких-либо совместных политических комбинаций, не говоря уже о едином антисоветском фронте. Кроме того, было хорошо известно, что как политическое руководство, так и общественное мнение Англии и особенно Франции не хотело воевать ни с кем: ни с Германией, ни с Россией. Также и прямое нападение Германии на Советский Союз в одиночку, без поддержки союзников, равно как и советское нападение на Германию без поддержки Англии и Франции, в августе 1939 года не могло рассматриваться в качестве реальных политических альтернатив ни Сталиным, ни Гитлером, ни британскими и французскими лидерами. Сталин сознательно сталкивал Германию с Англией и Францией, но воевать собирался только против Германии, чтобы в ходе такой войны максимально расширить зону своего влияния в Европе. Советский вождь ошибся только в том, что не ожидал немецкого нападения в 1941 году и в том же году собирался ударить первым. Безопасность СССР договор не обеспечил и привел к огромным потерям в войне с Германией. Однако пакт о ненападении гарантировал в конечном счете союз с Англией и США и советскую победу во Второй мировой войне.

Миф битвы за Атлантику

Битвой за Атлантику называют действия германского флота, и в первую очередь подводных лодок, в ходе Второй мировой войны, направленные на пресечение снабжения Британских островов, а также действия британского и американского флотов, направленных на уничтожение германских надводных рейдеров и субмарин в Атлантике и прилегающих к Британским островам морях. Термин «Битва за Атлантику» впервые официально употребил Уинстон Черчилль в речи 6 марта 1941 года в связи с резко возросшими потерями английского торгового флота. Главный миф битвы за Атлантику связан с утверждением, что с помощью подводных лодок Германия едва не поставила Англию на колени.

Германия также надеялась вынудить Англию к миру как с помощью подводной войны, так и посредством и действий надводных кораблей-рейдеров против британского торгового судоходства. Вплоть до июля 1940 года война на море велась по нормам призового права, главный упор делался на надводные корабли, а нейтральные суда не подвергались атакам. Однако от тактики надводного рейдерства пришлось отказаться после того как британскому флоту с большим трудом и с потерей линейного крейсера «Худ» удалось выследить и потопить крупнейший немецкий линкор «Бисмарк» 27 мая 1941 года. Его гибель как раз совпала по времени с захватом германскими десантниками Крита. Турецкий министр иностранных дел так прокомментировал эти события: «У англичан еще много островов, разбросанных по всему миру, а второго «Бисмарка» у немцев не будет». Для строительства крупного надводного флота, в том числе совершенно необходимых для успешного ведения войны на море авианосцев, у Германии не было ни времени, ни средств, поскольку основные мощности промышленности использовались для нужд сухопутных сил, авиации и подводного флота. Единственный немецкий авианосец «Граф Цеппелин» так и остался недостроенным.

В целом рейдеры себя не оправдали. Их доля в уничтоженном торговом тоннаже была ничтожной, а потери – велики и невосполнимы. Несколько эффективнее были так называемые «коммерческие рейдеры» – вооруженные артиллерией торговые пароходы. Однако они могли действовать лишь в неохраемых водах – в Индийском океане и Южной Атлантике.

Гораздо успешнее действовали германские субмарины. В начале войны у Германии было только 57 подводных лодок, приспособленных к плаванию только в прибрежных водах. После капитуляции Франции, когда Гитлер пытался любой ценой сломить сопротивление Англии, используя новые базы во Франции и Бельгии, Германия постепенно перешла к неограниченной подводной войне. За годы войны было построено еще более тысячи субмарин, значительная часть которых была предназначена для действий в океане. Командующий подводным флотом гросс-адмирал Карл Дёниц разработал тактику «волчьих стай», когда, в отличие от Первой мировой войны, на конвои судов нападали группы подлодок. Была также налажена система снабжения подлодок в океане вдали от баз, что значительно расширило радиус их действия.

В подводной же войне в первые годы Германии удалось достичь впечатляющих успехов. Число подводных лодок, постоянно участвующих в боевых походах, было увеличено с 10–15 осенью 1940 года до 35–40 летом 1941 года и поддерживалось на этом уровне почти всю войну. Кульминации подводная война достигла в марте 1943 года, когда в Атлантике германские подлодки потопили неприятельские суда общим тоннажем около 0,5 миллиона брутто-регистрационных тонн, а на других морях – еще около 200 тыс. брт. Однако в дальнейшем широкое использование авиации и радаров, способных обнаружить подводные цели, а также введение в строй большого числа эскортных кораблей, в том числе авианосцев, помогло союзникам справиться с подводной угрозой. Американская судостроительная промышленность увеличила свои мощности и смогла компенсировать потери торгового судоходства. Количество уничтоженных подлодок стало стремительно увеличиваться. Так, в июне 1943 года немцы поте-

ряли 21 подводную лодку, а в июле – уже 33. Тоннаж же потопленных судов уменьшился и в 1944 году редко когда превышал 100 тыс. брт в месяц. Во второй половине 1944 года, когда немцы потеряли базы во Франции и Бельгии, эффективность атак подлодок значительно снизилась. Всего за годы войны немецкие подводные лодки потопили 3000 союзных судов водоизмещением около 14,5 миллиона борт, а также 178 военных кораблей и 11 вспомогательных крейсеров. На долю германских подводных лодок приходится 68 % потерь торгового тоннажа союзников и 37,5 % потерь боевых кораблей. Погибло около 70 тыс. военных моряков и около 30 тыс. моряков торгового флота союзников. За это же время в Англии было построено новых торговых судов общим водоизмещением в 4,5 миллиона брт, а в США – около 35 миллионов брт, что в сумме почти втрое превышало потопленный тоннаж. Из 1153 подводных лодок, поступивших на вооружение германского флота, 659 лодок было потоплено в море, 63 стали жертвами бомбардировок в гаванях, а еще 58 погибли в результате аварий. Из уцелевших к концу войны лодок 219 были затоплены экипажами после капитуляции, а 154 переданы союзникам. Из примерно 40 тыс. немецких подводников около 24 тыс. погибли, а 5 тыс. попали в плен. В последние месяцы войны были введены в строй новейшие германские подлодки XXI проекта. Они обладали подводным ходом в 17,5 узла – почти вдвое большим, чем любые другие подлодки в мире. Пользуясь шнорхелем – устройством для подзарядки аккумуляторных батарей и электротурбинами, работавшими без подачи атмосферного воздуха, эти лодки могли проплывать до 10 тыс. миль, ни разу не всплывая на поверхность. Кроме того, к концу войны в боевых действиях приняли участие легкие подлодки с электродвигателями, так называемые «тюлени» (XXIV проект), развивавшие подводную скорость до 24 узлов. Если бы эти лодки были созданы годом-двумя раньше, то, как считают некоторые военно-морские эксперты, исход подводной войны мог бы быть иным. Однако вряд ли это действительно так. Лодки нового типа были эффективны лишь в том смысле, что их гораздо труднее было обнаружить и потопить (хотя радары их все равно обнаруживали). Поэтому потери их были бы, несомненно, меньше, чем потери лодок других типов. Однако способность топить неприятельские суда определялась прежде всего их боезапасом торпед, мин и артиллерийских снарядов. А здесь принципиальной разницы с другими океанскими подлодками не было. Лодки нового типа были значительно дороже в постройке, чем лодки старых типов, и их выпускали бы меньше, чем можно было бы выпустить вместо них лодок старых типов. Так что принципиального роста потопленного тоннажа с появлением лодок XXI и XXIV проектов не могло произойти. Также некоторые эксперты считают, что германская подводная война оказалась бы более эффективной, если бы действия подводных лодок были сосредоточены на атаках против боевых кораблей и военных транспортов с войсками и боевой техникой, а не на потоплении торговых судов, зачастую порожних, как это делал Дёниц. Однако вряд ли бы подобная тактика принесла победу. Ведь атаки боевых кораблей и особо охраняемых конвоев с войсками были связаны с гораздо большим риском для подводных лодок, и их потери неизменно возросли бы. В то же время сил подводных лодок все равно бы не хватило, чтобы сделать небоеспособным британский флот или сорвать перевозку американских войск в Англию.

Англия и США, принимая во внимание мощности американского судостроения и эскадренных сил, никогда не стояли перед угрозой поражения в битве за Атлантику с германскими подводными лодками. Реальное уменьшение торгового тоннажа из-за понесенных потерь происходило только тогда, когда американская промышленность еще только наращивала производство дешевых судов «Либерти», и начиная со второй половины 1943 года германские подводники уже никак не могли бы поставить под угрозу снабжение Британских островов. К тому же уже осенью 1943 года после капитуляции Италии немцы потеряли основные базы в Средиземноморье, что резко ограничило деятельность подлодок в этом регионе.

Миф добровольного присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии

Главный миф, связанный с так называемым «освободительным походом» Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию в сентябре 1939 года, был предпринят с целью спасти украинцев и белорусов Польши от германской оккупации после поражения польской армии. При этом отрицалось, что советские войска вошли в Польшу во исполнение секретного дополнительного протокола к пакту Молотова – Риббентропа, согласно которому восточные воеводства Польши отходили в советскую сферу интересов. Утверждалось также, что советские войска перешли советско-польскую границу именно 17 сентября потому, что в этот день польское правительство и главное командование армии покинули территорию страны. На самом деле в этот день польское правительство и главнокомандующий маршал Эдвард Рызд-Смиглы еще находились на польской территории, хотя и покинули Варшаву.

Согласно советскому пропагандистскому мифу, население Западной Украины и Западной Белоруссии в подавляющем большинстве приветствовало приход Красной Армии и единодушно высказалось за вхождение в состав СССР.

В действительности национальный состав населения присоединенных территорий был таким, что он исключал возможность того, что большинство жителей высказалось бы за вхождение в состав СССР. В 1938 году в Польше, согласно официальной статистике, из 35 млн жителей поляков было 24 млн, украинцев – 5, а белорусов – 1,4 млн. Однако по указанию Сталина «Правда» писала о 8 млн украинцев и 3 млн белорусов в занятых Красной Армией украинских и белорусских воеводствах. Там состоялись выборы в Народные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии. Выборы проводились по принципу: один человек на одно место. В депутаты выдвигались только коммунисты и их союзники, а какая-либо агитация против них была запрещена. В октябре 1939 года Народные собрания провозгласили Советскую власть и обратились в Верховный Совет СССР с просьбой о воссоединении с Украиной и Белоруссией, которая в ноябре была удовлетворена.

Проводить плебисцит о присоединении к СССР в Западной Украине и Западной Белоруссии Сталин не стал. Не было никакой уверенности, что большинство населения освобожденных территорий проголосует за вхождение в состав СССР, а явно фальсифицированные итоги его в мире вряд ли бы кто признал. Согласно переписи 1931 года, на территории Западной Украины и Западной Белоруссии проживало 5,6 млн поляков, 4,3 млн украинцев, 1,7 млн белорусов, 1,1 млн евреев, 126 тыс. русских, 87 тыс. немцев и 136 тыс. представителей других национальностей. В Западной Белоруссии поляки преобладали в Белостокском (66,9 %), Виленском (59,7 %) и Новогрудском (52,4 %) воеводствах, белорусы – только в Полесском (69,2 %). В Западной Белоруссии проживало 2,3 млн поляков, 1,7 млн белорусов и 452 тыс. евреев. В западноукраинских воеводствах поляки преобладали в Львовском (57,7 %) и Тарнопольском (49,7 %) воеводствах (в Тарнопольском воеводстве украинцы составляли 45,5 %), украинцы – в Волынском (68,4 %) и Станиславовском (68,9 %). В Западной Украине проживало 3,3 млн поляков, 4,3 млн украинцев и 628 тыс. евреев.

В Западной Украине была популярна нелегальная Организация украинских националистов (ОУН), выступавшая за независимость Украины. Оуновцы боролись против польских властей, в том числе и с использованием террористических методов. Нападали они и на советских представителей. Не менее враждебно, чем к полякам, украинские националисты относились к Советской власти. В Западной Белоруссии отсутствовало сколько-нибудь заметное белорусское национальное движение. Но значительную часть белорусского населения Западной Белоруссии составляли белорусы-католики, которые в культурном и политическом отношении

ориентировались на поляков. Да и поляки составляли около половины населения Западной Белоруссии.

Украинское и белорусское население в Польше (в основном крестьяне) боролось за свои национальные права, но присоединяться к СССР не собиралось, наслышанное о терроре и голоде. Да и жили украинцы и белорусы в Польше зажиточнее нищих советских колхозников. Тем не менее вторжение Красной Армии было воспринято спокойно, а евреями, которым грозил геноцид Гитлера, – даже с энтузиазмом. Однако мероприятия Советской власти быстро привели к тому, что в 41-м украинцы и белорусы встречали немцев хлебом-солью, как освободителей от большевиков.

Польский генерал Владислав Андерс привел в мемуарах рассказы жителей Львова о том, как большевики «грабили имущество не только частное, но и государственное», как НКВД проник во все сферы жизни, о толпах беженцев, которые, узнав, каково жить при большевиках, несмотря ни на что, хотят уйти на земли, оккупированные немцами».

Было немало фактов мародерства и самочинных расстрелов со стороны бойцов и командиров Красной Армии.

Никакого серьезного наказания командиры, виновные в самочинных расстрелах, не понесли. Нарком обороны Климент Ворошилов всего лишь объявил им выговор, указав, что в поступках виновных в незаконных действиях не было преднамеренной злой воли, что все это происходило «в обстановке боевых действий и острой классовой и национальной борьбы местного украинского и еврейского населения с бывшими польскими жандармами и офицерами».

Нередко убийства поляков совершались местным украинским и белорусским населением. Секретарь Брестского обкома КП(б)Б. Киселев говорил в апреле 1940 года: «Таких убийств заклятых врагов народа, совершенных в гневе народном в первые дни прихода Красной Армии, было немало. Мы оправдываем их, мы на стороне тех, кто, выйдя из неволи, расправился со своим врагом».

На западноукраинских и западнобелорусских землях еще до 22 июня 1941 года началась массовая насильственная коллективизация. Интеллигенцию обвинили в «буржуазном национализме» и репрессировали. До начала Великой Отечественной войны на территории Западной Украины и Западной Белоруссии было арестовано 108 тыс. человек, преимущественно поляков. Значительная часть их была расстреляна накануне и в первые недели Великой Отечественной войны. Только по приговорам трибуналов и Особого совещания было расстреляно 930 человек. Еще около 6 тыс. заключенных было расстреляно в начале войны при эвакуации тюрем в Западной Украине и более 600 человек – в Западной Белоруссии.

В декабре 1939 года была проведена грабительская денежная реформа. Злотые по счетам и вкладам населения обменивались на рубли по курсу 1:1, но на сумму не более 300 злотых.

Поведение многих представителей новой власти не вызывало симпатий у населения. Так, как отмечалось в партийных документах, в Дрогобычской области «начальник РО НКВД Новострелецкого района Кочетов 7 ноября 1940 года, напившись пьяным, в сельском клубе в присутствии начальника РО милиции Псеха тяжело избил наганом батрака Царица, который в тяжелом положении был доставлен в больницу». В Богородчанском районе Станиславской области коммунист Сыроватский «вызывал крестьян по вопросу налога ночью, угрожал им, понуждал девушек к сожительству». В Обертынском районе этой же области «имелись массовые нарушения революционной законности».

В письме на имя Сталина помощник Ровенского областного прокурора Сергеев отмечал: «Казалось бы, что с освобождением Западной Украины сюда для работы должны были быть направлены лучшие силы страны, кристаллически честные и непоколебимые большевики, а получилось наоборот. В большинстве сюда попали большие и малые проходимцы, от которых постарались избавиться на родине».

Советские кадры, заменившие польскую администрацию, зачастую не могли наладить хозяйство. Один из делегатов волынской областной партконференции в апреле 1940 года возмущался: «Почему при поляках ежедневно поливали улицы, подметали метелками, а сейчас ничего нет?»

В 1939–1940 годах из западных областей Украины и Белоруссии в восточные регионы СССР было депортировано около 280 тыс. поляков, в том числе 78 тыс. беженцев из оккупированных немцами районов Польши. Около 6 тыс. человек умерло в пути. В июне 1941 года, перед самым началом Великой Отечественной войны, с Западной Украины депортировали также 11 тыс. «украинских националистов и контрреволюционеров». С началом Великой Отечественной войны многие уроженцы западных областей Украины и Белоруссии дезертировали из Красной Армии или уклонились от мобилизации.

Вопрос о международно-правовом признании советской аннексии Западной Украины и Западной Белоруссии был окончательно решен Договором о советско-польской государственной границе, который 16 августа 1945 года СССР заключил с прокоммунистическим правительством Польши. Советско-польская граница прошла в основном по линии Керзона, но с возвращением Польше городов Белосток и Пшемьсль (Перемышль).

Миф линии Маннергейма

Главные мифы линии Маннергейма и советско-финской войны, продолжавшейся с 30 ноября 1939 года по 13 марта 1940 года, заключались в утверждении, что боевые действия были спровоцированы провокационным обстрелом красноармейцев с финской стороны у поселка Майнила на Карельском перешейке, и что финские укрепления здесь, неофициально называемые линией Маннергейма, были почти неприступны, однако Красная Армия их, хотя и с потерями, успешно прорвала.

В действительности советское нападение на Финляндию представляло собой неспровоцированную агрессию в рамках реализации секретного дополнительного протокола к пакту Молотова – Риббентропа, согласно которому Финляндия отходила в сферу советских интересов. 21 ноября 1939 года войска Ленинградского округа и подчиненного ему Балтийского флота получили директиву Военного совета ЛВО, где отмечалось: «Финская армия закончила сосредоточение и развертывание у границы СССР». Советским войскам предписывалось начать наступление, план которого требовалось представить 22 ноября (тогда же был отдан приказ начать выдвижение к границе). Продолжительность операции планировалась в три недели. При этом специально оговаривалось: «О времени перехода в наступление будет дана особая директива». 23 ноября политуправление ЛВО направило в войска следующие указания: «Мы идем не как завоеватели, а как друзья финского народа... Красная Армия поддерживает финский народ, который выступает за дружбу с Советским Союзом... Победа над противником должна быть достигнута малой кровью».

Приказ начать вторжение был отдан Сталиным устно.

26 ноября 1939 года сотрудники НКВД осуществили провокационный обстрел советских позиций у пограничного поселка Майнила. По официальной советской версии, при этом было убито четверо и ранено восемь красноармейцев. В действительности донесения расположенного в этом районе 68-го стрелкового полка 70-й дивизии свидетельствуют, что полк в этот день никаких потерь не имел и выстрелов не фиксировал. Финские наблюдатели зафиксировали, что Майнилу обстреляли с советской территории.

После Майнильского инцидента СССР денонсировал пакт о ненападении с Финляндией и разорвал с ней дипломатические отношения. 30 ноября советские войска вторглись на финскую территорию.

На Карельском перешейке Красной Армии противостояла линия Маннергейма, названная так по имени главнокомандующего финской армии маршала Карла Густава Маннергейма. Она состояла из полосы обеспечения (ширина 15–60 км), главной полосы (глубина 7—10 км), второй полосы, удаленной на 2—15 км от главной, и тыловой (выборгской) полосы обороны. Главная полоса обороны состояла из 25 узлов сопротивления, насчитывавших 280 дотов и 800 дзотов. Однако только 130 дотов были боеготовы и лишь 8 имели артиллерийское вооружение. На промежуточной и тыловой полосах были пригодны к использованию только 10 дотов и 98 дзотов. Плотность укреплений была примерно в 10 раз ниже, чем на линии Мажино во Франции. При грамотно организованном наступлении хорошо подготовленной армии, имеющей подавляющее превосходство в танках, артиллерии и авиации, линия Маннергейма не представляла собой серьезного препятствия. Однако Красная Армия не умела толком обходиться с боевой техникой, штабы не умели планировать операции, командиры – организовывать взаимодействие родов войск на поле боя, а рядовые красноармейцы в массе своей не умели, в отличие от финнов, не только ходить на лыжах, но даже стрелять.

Попытки прорвать линию Маннергейма с ходу успеха не принесли и привели к большим потерям. Пришлось сосредоточить на фронте дополнительные силы и средства. 1 февраля 1940 года был образован Северо-Западный фронт в составе 7-й и 13-й армий. Его возглавил коман-

дарм 1 ранга Семен Тимошенко. В районе Ладожского озера и севернее действовали 8, 9 и 14-я армии.

Было предпринято несколько частных наступательных операций, чтобы дезориентировать противника насчет направления главного удара. Ежедневно в течение нескольких дней обрушивали на укрепления линии Маннергейма по 12 тыс. снарядов. Финны отвечали редко, но метко. Поэтому советским артиллеристам приходилось отказываться от наиболее эффективной стрельбы прямой наводкой и вести с закрытых позиций и главным образом по площадям, так как разведка целей и корректировка были налажены плохо. Утром 11 февраля началось генеральное наступление. Артподготовка продолжалась 2,5–3 часа. В первый день дивизии 7-й армии смогли вклиниться в систему обороны Суммского укрепленного узла, о падении которого командование фронта в тот же день поспешило известить Москву. В действительности Сумма была взята только 14 февраля. 13-я армия также потеснила финнов и вышла на рубеж Муолаа – Ильвес – Салменкайта – Ритасари. 21 февраля Красная Армия была вынуждена приостановить наступление из-за больших потерь и истощения боеприпасов. Атаки возобновились два дня спустя. При этом финнам удалось нанести частичное поражение нескольким батальонам 23-го стрелкового корпуса 13-й армии и даже взять пленных. Но финское командование, осознав, что прорыв в районе Сумма ликвидировать не удастся, вечером 23 февраля начало отход на тыловую оборонительную полосу, чтобы сохранить целостность фронта. К концу февраля советские войска вышли к финским тыловым оборонительным позициям в районе Выборга. Сражение за этот город продолжалось вплоть до заключения перемирия.

Войска 7-й армии 2 марта вышли на подступы к Выборгу с юга, а части 13-й армии теснили финнов к реке Вуокси, угрожая Кексгольму. На рассвете 4 марта был захвачен плацдарм на западном берегу Выборгского залива. Финским войскам в Выборге грозило окружение. 7 марта 50-й корпус перерезал железную дорогу Выборг – Антреа. Контратаками финны смогли несколько замедлить продвижение советских частей, но коренного перелома не достигли. Соединения 13-й армии форсировали Вуокси.

Сражение за этот город продолжалось вплоть до заключения перемирия. Заключительным аккордом войны стал бессмысленный штурм Выборга, предпринятый за несколько часов до вступления в силу заключенного 12 марта 1940 года Московского мирного договора, по которому Выборг и так отходил к Советскому Союзу вместе со всем Карельским перешейком. Этот штурм стоил сотен жизней, но так и не привел к успеху. Финны спокойно продержались до часа прекращения огня в полдень 13 марта, а затем ушли из города, недоумевая, для чего русские зазря губят своих солдат.

К концу войны Красная Армия располагала на Финском фронте группировкой численностью более чем в 1 млн человек. 58 советских дивизий успели побывать в бою. Еще 4 дивизии остались в резерве, а 10 готовились к переброске на фронт. Советская группировка на Карельском перешейке насчитывала почти 760 тыс. бойцов и командиров, более 7100 орудий и минометов, почти 3 тыс. танков, более 600 бронемашин и 2 тыс. самолетов. Им противостояло к концу войны около 340 тыс. финских солдат, располагавших 944 полевыми и 341 противотанковым и зенитным орудием. Финляндия имела к началу войны 30 танков и 130 самолетов.

В «зимней войне» финские потери известны точно. Они составили 22 830 убитых и умерших от ран и в плену военнослужащих. В плен попало 876 человек, из которых 13 умерли, а 20 остались в СССР. Кроме того, погибло 1029 гражданских лиц.

СССР потерял не менее 131,5 тыс. погибших, учтенных в именных списках. Если же добавить сюда потери ВМФ и войск НКВД, а также погибших, не попавших в списки, то безвозвратные потери Красной Армии, возможно, увеличатся до 170 тыс. Соотношение безвозвратных потерь, очевидно, было близким к 7,5:1, т. е. было примерно таким же, как соотношение советских и немецких потерь в Великой Отечественной войне. В плен попало около 6 тыс.

красноармейцев. 5486 из них были репатриированы в мае 1940 года, и еще 200–300 человек – позднее в том же году, 113 умерли в плену, а возможно, 200–300 человек остались в Финляндии. Автобронетанковые войска Красной Армии безвозвратно потеряли в боях с противником 650 танков, около 1800 было подбито, а более 1500 вышли из строя по техническим причинам. В качестве трофеев финны захватили 131 танк. Безвозвратные потери советской авиации составили не менее 522 машин (из которых 182 разбились в авариях). Финны безвозвратно потеряли 67 самолетов и 27 танков.

Миф Дюнкерка

Главный миф, связанный с эвакуацией британского экспедиционного корпуса из Дюнкерка в конце мая – начале июня 1940 года, состоит в утверждении, будто Гитлер сознательно дал возможность англичанам уйти, остановив преследующие их танковые дивизии. Таким образом, он рассчитывал, что Англия, не испытав унижения в виде пленения ее экспедиционного корпуса, охотнее пойдет на заключение мира с Германией, что позволило бы бросить все германские силы против Советского Союза. При этом почему-то упускается из виду то обстоятельство, что, лишившись экспедиционного корпуса, Англия стала бы гораздо сговорчивее в принятии германских мирных предложений.

На самом деле знаменитый «стоп-приказ» Гитлера вызывался чисто военными соображениями. Более того, он никак не повлиял на ход эвакуации британских войск из Дюнкерка.

10 мая 1940 года началось германское наступление во Франции, а уже 15 мая капитулировала Голландия, ряд стратегических пунктов которой был захвачен неприятельскими воздушными десантами. На следующий день пал Брюссель. 20 мая танковая группа генерала Эвальда фон Клейста вышла к Ла-Маншу, а 28 мая капитулировала бельгийская армия. Основные силы французской армии оказались в окружении в Бельгии и Северной Франции и к концу мая прекратили сопротивление. Английская экспедиционная армия под командованием лорда Горта, сознававшего безнадежность продолжения борьбы на континенте, начала отход к порту Дюнкерк для последующей эвакуации на Британские острова. Англичане к тому времени уже раскрыли секрет германских шифровальных машин и читали переговоры германских штабов на Западе. Это помогло английскому командованию принять правильное решение.

21 мая британская оперативная группа Франклина в составе 5-й и 50-й дивизий с 74 танками из 1-й армейской танковой бригады при поддержке частей 3-й французской мехдивизии нанесла контрудар, который пришелся по тылам 7-й танковой дивизии и моторизованной дивизии СС «Мертвая голова» в районе Арраса. Утром 23 мая 1-я французская армия также нанесла контрудар по направлению Арраса, что грозило танковой группе Клейста окружением. Клейст доложил Гальдеру вечером 23-го, что уже потерял половину танков и не сможет двигаться к Дюнкерку, пока не ликвидирует кризис у Арраса. Кроме того, он сообщил, что танки впервые подверглись чувствительным налетам. После этого вечером 23 мая командующий группой армий «А» генерал Герд фон Рундштедт отдал приказ 24 мая приостановить наступление танковых групп Гота и Клейста для подтягивания сил и выяснения обстановки. Утром 24 мая штаб Рундштедта посетил Гитлер. Командующий группой армий убедил фюрера приостановить продвижение танковых дивизий для их пополнения и перегруппировки. Требовалось дождаться оставших пехотных дивизий, которые должны были вести бои в городах, для чего танки были мало пригодны. При этом «стоп-приказ» (директива № 13) подтверждал, что «ближайшей целью операций является уничтожение франко-англо-бельгийских войск, окруженных в Артуа и Фландрии, посредством концентрического наступления нашего северного крыла, а также быстрое занятие и охрана побережья моря. При этом задача авиации состоит в том, чтобы сломить всякое сопротивление окруженных частей противника, воспрепятствовать эвакуации английских войск через пролив и обеспечить южный фланг группы армий «А»...

Контратака двух английских танковых батальонов у Арраса так напугала командующего группой армий «Юг» Рундштедта, что он добился от Гитлера получения 24 мая приказа на остановку наступления германских танков у Ла-Манша по линии Ланс – Гравелин в 16 км от Дюнкерка. «Стоп-приказ» объяснялся тем, что германское командование не было уверено, что английский экспедиционный корпус будет немедленно эвакуирован на Британские острова, а не попытается вместе с французскими войсками удержать дюнкеркский плацдарм в течение более или менее длительного времени, как на том, кстати сказать, настаивало французское

командование. В случае если бы верным оказался второй сценарий, танковые дивизии стоило перегруппировать, чтобы ударить по более слабым и значительно более британских деморализованным французским войскам. Контратака свежих британских танковых частей навела Рундштедта на мысль, что принято решение удерживать дюнкеркский плацдарм. Поэтому и был отдан «стоп-приказ», чтобы понять намерения противника и в зависимости от них использовать танковые дивизии Клейста, которые в боях с британскими бронетанковыми частями понесли существенные потери. Даже если бы германские танки и вошли бы в Дюнкерк, без поддержки пехоты они были бы уничтожены подходившей к городу основной массой британских экспедиционных сил. Ближайшие два дня показали, что сопротивление французских войск, отступающих к побережью, значительно ослабло, были взяты порты Булонь и Кале. Стало ясно, что противник не способен к масштабному контрудару. В то же время выяснилось, что пехотные части наступают слишком медленно. Поэтому существовала угроза, что союзники создадут на побережье плацдармы для длительного сопротивления. 26 мая штаб группы армий «Б» генерала риттера Вильгельма фон Лееба высказал опасение, что возникнут «три крупных центра сопротивления – у Брюгге, в районе Лиль, Ипр и под Дюнкерком, ликвидация которых потребует много времени и сил». Чтобы не допустить этого, наступление германских танковых групп возобновилось. Таким образом, германское командование больше опасалось не эвакуации, а длительного сопротивления союзных войск на побережье Ла-Манша.

Через два дня наступление возобновилось, но англичане сумели удержать подступы к Дюнкерку. 28 и 29 мая войска союзников отошли на небольшой плацдарм у Дюнкерка. К 4 июня были эвакуированы 215 тыс. британских солдат, 114 тыс. французских и 9 тыс. бельгийских. Всего в эвакуации участвовало 861 судно, в том числе около 300 французских, польских, голландских, норвежских. Было потоплено около 240 судов, включая 6 эсминцев. 40 тыс. французов попало в плен. Люфтваффе, вопреки обещанию Геринга, не смогли воспрепятствовать эвакуации. Немецкие атаки были отбиты британскими истребителями, сбившими 130 немецких самолетов и потерявшими 106 своих. Британцам помогла также облачная и дождливая погода, мешавшая Люфтваффе бомбить Дюнкерк. Потери британского корпуса составили 68 тыс. убитых, раненых и плененных. Он лишился всей артиллерии (2,5 тыс. орудий), более 300 танков и 64 тыс. автомашин, но сумел эвакуировать танки.

То, что «стоп-приказ» на самом деле никак не повлиял на исход эвакуации британских войск, доказываются следующими фактами. После того как немцы остановились, Горт тоже не сразу получил приказ на отступление. В Лондоне решали, есть ли еще шансы на продолжение борьбы, устоят ли французы, стоит ли оставлять английскую армию во Франции. Только вечером 26 мая, накануне возобновления германского наступления, Горту наконец приказали начать отход к Дюнкерку с целью последующей эвакуации. При этом окончательное согласие на эвакуацию было передано ему только 27 мая в час дня. Вот что сообщает по этому поводу известный британский теоретик Джон Фуллер, близкий к Министерству обороны: «Быстрое наступление с юга вместе с неуклонным давлением с востока заставило все левое крыло союзных армий собраться в равностороннем треугольнике, основанием которого служила линия Гравелин, Тернеуцен, а вершина располагалась немного севернее Камбре. Северная половина восточной стороны треугольника удерживалась бельгийской армией, которая 24 мая подверглась ожесточенной бомбардировке. 25 мая она начала поддаваться. На следующий день, когда исчезла всякая надежда, что французские армии, находившиеся южнее Соммы, будут наступать на север, лорд Горт получил приказ: отступлением к побережью спасти все, что еще можно спасти от его армии». Можно не сомневаться, что, если бы германские танковые группы продолжали 24-го безостановочное движение к Дюнкерку, отступление англичан началось бы соответственно двумя днями раньше, а не утром 27 мая, одновременно с возобновлением германского наступления. Дело было не в каких-то задержках или ошибках, а в совершенно объективных вещах. Британская армия, в отличие от французской или бельгийской, не потеряла

присутствия духа. Тех сил, которыми располагал Горт, включая 3 танковые бригады (последняя, 3-я, высадилась во Франции 25 мая, уже только затем, чтобы прикрыть эвакуацию), вооруженных тяжелыми танками с сильной броней, было вполне достаточно для того, чтобы удерживать небольшой дюнкерский плацдарм, где линия фронта была мала, а плотность боевых порядков максимальна, в течение 10 дней, необходимых для подготовки и проведения эвакуации. Англичанам помогла и тихая, ясная погода. Волнения на море не было, и для эвакуации удалось использовать все суда, включая малотоннажные шхуны, яхты и катера. Кроме того, британская авиация не уступила Люфтваффе господство в воздухе над Ла-Маншем. «Харрикейны» и «спитфайеры» не уступали «мессершмиттам», а британские летчики дрались не хуже асов Германа Геринга. Немцы не смогли предотвратить эвакуацию из Дюнкерка прежде всего из-за слабости своего надводного и подводного флота, у которого не было достаточно сил, чтобы атаковать конвой с эвакуируемыми британскими войсками.

Миф операции «Морской лев»

Главный миф, связанный с операцией «Морской лев», заключается во мнении, что эта операция, предусматривающая высадку вермахта на Британские острова, никогда не рассматривалась Гитлером в качестве реально осуществимой, а была только средством давления на Англию, чтобы вынудить ее заключить мир, и средством дезинформации для прикрытия намерения Германии напасть на Советский Союз.

Перед нападением на Россию, чтобы избежать войны на два фронта, Гитлер решил покончить с Англией. 2 июля 1940 года он отдал приказ о подготовке плана высадки в Англии, а 16 июля он издал директиву о подготовке операции по высадке десанта на Британские острова, которой было присвоено кодовое наименование «Морской лев». Еще до разработки плана «Морской лев», 21 июня 1940 года, Генштаб сухопутных сил сообщил командованию флота, что не разрабатывает план высадки в Англии, поскольку считает такую высадку неосуществимой. Также и Люфтваффе в январе 1940 года сочли высадку в Англии неосуществимой из-за невозможности нейтрализовать британскую авиацию. Флот, напротив, занимался разработкой планов вторжения в Англию еще с середины ноября 1939 года, но только после капитуляции Франции, последовавшей 22 июня 1940 года, эти планы встали в практическую плоскость. Но еще 21 мая, когда определился решающий успех вермахта во Франции, Гитлер обсудил с Редером возможность высадки в Англии после завершения Французской кампании.

В директиве от 16 июля говорилось: «Учитывая, что Англия, несмотря на свое безнадежное военное положение, не проявляет никаких признаков готовности к соглашению, я решил начать подготовку и, если возникнет необходимость, высадить десант в Англии. Цель этой операции – устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если это потребуется, полностью захватить ее». Германские войска должны были форсировать Ла-Манш, высадиться между Дувром и Портсмутом в составе 25 дивизий, а затем наступать с целью отрезать Лондон. Фронт предполагалось растянуть от Фолкстона до Богнора. Командовать армией вторжения должен был только что произведенный в фельдмаршалы Рундшtedт.

Уже 17 июля был отдан приказ о размещении на побережье Ла-Манша тринадцати дивизий, которые должны были составить первую волну вторжения численностью 260 тыс. человек. В первом эшелоне предполагалось высадить 90 тыс. Всю операцию главнокомандующий сухопутных войск фельдмаршал Вальтер фон Браухич рассчитывал завершить в течение месяца, причем упорное сопротивление британских войск предполагалось лишь на протяжении первых двух недель. Однако высадка при этом предполагалась на широком фронте в 200 миль, что, по заключению Редера, германский флот не смог бы выполнить. Для того чтобы высадить на таком фронте 90 тыс. солдат с боевой техникой, требовались 1722 баржи, 1161 моторный катер, 471 буксир и 155 транспортов. Даже если бы эту армаду удалось бы сконцентрировать в портах Ла-Манша (а это действительно удалось сделать), Люфтваффе никак не смогли бы защитить их в портах от ударов британской авиации, а тем более в море в период высадки – от атак британского флота.

К середине сентября англичане имели уже 20 боеспособных дивизий, включая три танковых, и одну танковую бригады. Этих сил должно было хватить, чтобы остановить продвижение первой волны вторжения. А затем можно было надеяться, что королевская авиация и флот уничтожат германские десантные средства и вынудят армию вторжения капитулировать. Для немедленного же десанта в конце июля у флота просто не было необходимых транспортных средств в районе Ла-Манша, поскольку «Морского льва» до завершения Французской кампании никто не планировал и потому заранее десантные средства не собирал.

На совещании 21 июля Редер предлагал перенести операцию «Морской лев» на май 1941 года. Однако Гитлер резонно возразил, что к этому времени германский флот все равно не сможет сократить разрыв с британским флотом, а британская сухопутная армия к тому времени наверняка усилится. И приказал готовить операцию к середине сентября. Ее начало в это время или перенос на май 1941 года зависели от того, смогут ли Люфтваффе нанести английской авиации и флоту, а также военной промышленности такой урон, что они не смогут эффективно противодействовать высадке.

В качестве предпосылки для осуществления десанта фюрер требовал: «Английская авиация должна быть настолько морально и фактически подавлена, чтобы она больше не могла противодействовать переправе германских войск в качестве заслуживающей упоминания силы... Желательно незадолго до переправы сковать британские военно-морские силы как в Северном, так и в Средиземном море, где будут действовать итальянцы. Уже сейчас надо попытаться нанести урон британскому флоту с помощью авиации и торпедных атак». Для достижения этих целей было предпринято массированное воздушное наступление на Британию.

Командование германских сухопутных сил настаивало на том, что армия вторжения должна состоять из 40 дивизий. Однако главнокомандующий флотом гросс-адмирал Эрих фон Редер настаивал, что численность десанта не должна превышать 25 дивизий, иначе флот не сможет его снабжать. В этом случае десант, правда, не имел бы численного превосходства над британской армией, что снижало шансы на успех.

13 августа начальник штаба оперативного руководства Йодль в меморандуме в качестве обязательных условий проведения «Морского льва» назвал гарантированное недопущение британского флота к району высадки и полное господство Люфтваффе в воздухе над всей территорией Англии. Оба эти условия были практически невыполнимы. Даже если бы воздушное наступление на Англию имело бы успех, Люфтваффе не смогли бы полностью нейтрализовать британскую авиацию. А для нанесения тяжелых потерь флоту, укрывавшемуся в отдаленных базах, у Германии отсутствовала авианосная авиация.

16 августа фюрер решил отказаться от десанта в заливе Лайм, чтобы высадка производилась меньшими силами и на более узком фронте.

Директива ОКВ от 27 августа за подписью Кейтеля устанавливала окончательные планы десантирования в четырех основных районах на южном побережье между Фолкстоном и Селси Билл и восточнее Портсмута, чтобы овладеть рубежом Портсмут, Темза, восточнее Лондона у Грейвсенда; на этот рубеж необходимо было выйти сразу же, как только плацдармы соединятся и войска смогут ударить на север. Одновременно проводилось демонстрационное сосредоточение плавсредств против восточного побережья Англии, которые в «день Д» должны были направиться к предполагаемым районам высадки, а с полпути лечь на обратный курс.

1 сентября началось сосредоточение десантных средств в портах Ла-Манша. Ранее делать это опасались из-за угрозы британских бомбардировок. 3 сентября 1940 года Гитлер определил 21 сентября днем проведения операции «Морской лев». Он рассчитывал, что к тому времени британские истребители будут нейтрализованы. Транспортные должны были выйти в море 20 сентября, а окончательный приказ о начале операции должен был быть отдан 11 сентября. 7 сентября 625 бомбардировщиков в сопровождении 648 истребителей произвели самый массовый налет на Лондон. Многие сочли его преддверием вторжения. Однако уже 10 сентября британские ВВС начали наносить чувствительные удары по германским транспортам. 13 сентября легкие корабли британского флота обстреляли Остенде, Кале, Булонь и Шербур, а авиация потопила 80 барж в Остенде. Стало ясно, что английская авиация не уничтожена и сохраняет боеспособность. А 15 сентября при еще более мощном налете на Лондон Люфтваффе потеряли 56 самолетов, еще несколько десятков получили тяжелые повреждения. Из строя была выведена четверть всех бомбардировщиков. Это был проигрыш Люфтваффе «Битвы за Британию». Поэтому германское вторжение в Англию пришлось 17 сентября отложить на

неопределенный срок. Этому решению Гитлера способствовали и большие потери, которые английская авиация нанесла германским судам, сосредоточенным в портах Ла-Манша. К тому времени был потоплен или поврежден 21 транспорт из 170 и 214 десантных барж из 1918. Уже 18 сентября пришлось отдать приказ о рассредоточении транспортов, чтобы не подставлять их под неприятельские бомбы. 12 октября было объявлено, что вторжение переносится на весну 1941 года, но в его успех уже никто не верил.

Необходимо подчеркнуть, что вплоть до сентября 1940 года операция «Морской лев» рассматривалась Гитлером как вполне реальный проект. Это доказывается тем, что для ее выполнения были привлечены основные силы Люфтваффе и сосредоточен внушительный десантный флот. Однако в отсутствие господства в воздухе этот флот, даже в случае успешной высадки, был бы очень быстро уничтожен британской авиацией и военно-морским флотом, которому слабый германский военно-морской флот не смог бы противостоять. Германские войска на британском берегу остались бы без снабжения и в скором времени вынуждены были бы капитулировать. Именно так произошло с германо-итальянскими войсками в Тунисе три года спустя, в мае 1943 года. Нет сомнений, что Гитлер действительно начал бы операцию «Морской лев» в сентябре 1940 года, если бы Люфтваффе к тому времени удалось бы завоевать господство в воздухе над Британскими островами.

Формально операция «Морской лев» была отменена Гитлером только 9 января 1941 года. Однако уже с конца сентября 1940 года, когда проигрыш воздушного сражения над Англией исключил успешную высадку на Британские острова, операция «Морской лев» стала использоваться в качестве дезинформационного прикрытия будущего германского нападения на СССР.

Миф «Битвы за Британию»

Главный миф «Битвы за Британию» состоит в том, что она была проиграна Люфтваффе из-за ошибок Геринга и других руководителей германской авиации и что у Германии были шансы ее выиграть в случае принятия правильной стратегии.

Чтобы завоевать господство в воздухе, необходимое для проведения операции «Морской лев», Люфтваффе с 9 июля 1940 года начали массированное наступление на Англию, постепенно наращивая удары. Первоначальной целью были прибрежные конвои и порт Дувр, но постепенно география и цели бомбардировок расширились.

1 августа 1940 года Гитлер издал директиву № 17 «О ведении воздушной и морской войны против Англии». Там говорилось: «С целью создания предпосылок для окончательного разгрома Англии я намерен вести воздушную и морскую войну против Англии в более острой, нежели до сих пор, форме. Для этого приказываю:

1. Германским военно-воздушным силам всеми имеющимися в их распоряжении средствами как можно скорее разгромить английскую авиацию...

2. По достижении временного или местного превосходства в воздухе продолжать действия авиации против гаваней, особенно против сооружений, предназначенных для хранения запасов продовольствия... Налеты на порты южного побережья производить с учетом запланированной операции в возможно меньшем масштабе...

3. Усиленную воздушную войну вести таким образом, чтобы авиация в любой момент могла быть привлечена к поддержке операций военно-морского флота... Кроме того, она должна сохранить свою боеспособность для операции «Морской лев».

4. Терроризирующие налеты в качестве возмездия остаются в моей компетенции».

Новое наступление предполагалось начать уже 5 августа, но реально массированные удары начались после 15 августа.

Для битвы за Англию Люфтваффе располагали 929 истребителями, 875 бомбардировщиками и 315 пикирующими бомбардировщиками в составе 2-го и 3-го воздушных флотов, базировавшихся в Северной Франции, Бельгии и Голландии, и 123 бомбардировщиками и 34 истребителями 5-го воздушного флота в Норвегии. Британские королевские ВВС могли выставить лишь 700 истребителей и 500 бомбардировщиков. Однако у англичан было одно решающее преимущество. Их самолеты действовали с аэродромов в Южной Англии и могли быстро возвращаться на базы для пополнения запасов горючего и боеприпасов, совершая таким образом по несколько вылетов в день. Германские же самолеты действовали на пределе своего радиуса и не могли делать ежедневно более одного вылета. Кроме того, подбитые британские самолеты имели гораздо больше шансов дотянуть до своих баз, чем германские, многие из которых падали на обратном пути в воды Ла-Манша. Также и британские летчики, спасшиеся со сбитых машин на парашюте, как правило, возвращались в строй, тогда как их немецкие коллеги отправлялись до конца войны в лагеря военнопленных. Британские «спитфайеры» были не хуже немецких Ме-109, а большие потери опытных летчиков Люфтваффе быстро уравнивали позиции сторон и в сфере уровня боевой подготовки пилотов. Англичанам также очень помогли радары. Как только немецкие самолеты поднимались в воздух с аэродромов в Западной Европе, радары уже на дистанции 200 км обнаруживали их и очень точно определяли курс полета, так что английские истребители уже поджидали их перед целями.

12 августа налетам подверглись британские радары, но лишь один из них оказался серьезно поврежден. 13 и 14 августа 1500 машин Люфтваффе бомбили английские аэродромы, но результат оказался совершенно ничтожен. Было уничтожено всего 13 английских самолетов при потере 47 немецких. 15 августа 800 самолетов бомбили южное побережье Англии. Рассчитывая, что все силы британской истребительной авиации были стянуты туда, 100 бомбарди-

ровщиков в сопровождении 34 истребителей – двухмоторных Me-110 5-го флота – попытались атаковать восточное побережье, но были перехвачены семью эскадрильями «харрикейнов» и «спитфайеров», которым тяжелые Me-210 не могли противостоять из-за худшей маневренности и меньшей скорости. Англичане потерь не понесли, а немцы лишились 30 машин. А на юге Англии в этот день немцы потеряли 75 самолетов против 34 английских. Отсутствие у немцев тяжелых стратегических бомбардировщиков ограничивало бомбовую нагрузку и заставляло вести преимущественно прицельное бомбометание с малых высот, что делало бомбардировщики уязвимыми для средств ПВО.

24 августа Люфтваффе переключились на уничтожение секторных станций – подземных центров управления, наводящих самолеты на цели. С этого дня и вплоть до 6 сентября удары наносились главным образом по объектам британских ВВС. Пять передовых аэродромов истребительной авиации на юге Англии были основательно разрушены, а шесть из семи ключевых секторных станций подверглись ожесточенной бомбардировке. До 6 сентября англичане потеряли 295 самолетов и 103 летчика. Еще 170 машин были повреждены. Немцы – 385 самолетов, включая 214 истребителей. Затем Люфтваффе переключились на бомбардировки Лондона. Это рассматривалось как непосредственная подготовка вторжения. Расчет был на то, что массированные налеты вызовут панику в британской столице и беженцы забьют дороги, ограничив возможности по переброске британских войск для отражения германского десанта. Вечером и ночью 7 сентября Лондон бомбили 625 бомбардировщиков и 648 истребителей. Было убито 842 человека и ранено 2347. Британские истребители этот налет прозевали, и потери Люфтваффе были ничтожны. Но дневной налет на Лондон 15 сентября закончился катастрофой. 200 бомбардировщиков, которых сопровождали 600 истребителей, попали под атаки «спитфайеров» и «харрикейнов», наведенных с помощью радаров. Было сбито 56 немецких самолетов, включая 34 бомбардировщика. Англичане потеряли 26 самолетов. После этого немцы перешли исключительно к ночным налетам на Лондон, но они имели уже только моральное, а не стратегическое значение, поскольку операция «Морской лев» была отложена на неопределенный срок. 14 ноября 1940 года в рамках этой стратегии, направленной на подрыв морального духа британцев, был подвергнут жестокой бомбардировке Ковентри, но военного значения это уже не имело. Во второй половине ноября массированные налеты на Англию были прекращены.

Всего к исходу октября 1940 года, когда воздушная «Битва за Британию» закончилась, немцы безвозвратно потеряли 1733 машины, а англичане – только 915. При этом англичане легче могли восполнить потери в самолетах, так как британские заводы выпустили 9924 машины, а немецкие – только 8070. Еще тяжелее были безвозвратные потери Люфтваффе в пилотах. Причиной поражения Люфтваффе стала не частая смена стратегии, а действие постоянных долговременных факторов географического преимущества англичан в виде близости баз, наличия радаров и секторных станций. В условиях примерного качественного равенства истребителей сторон эти преимущества с лихвой компенсировали численное превосходство Люфтваффе. Частая смена стратегии Герингом была вызвана постепенным истощением сил и постоянным поиском слабых мест Англии. Растущие потери не позволяли продолжать те стратегии, к которым англичане уже успевали приспособиться.

Миф добровольного присоединения к СССР государств Прибалтики

Главный миф, связанный с присоединением к СССР в 1939–1940 годах Литвы, Латвии и Эстонии, заключается в том, что это присоединение было добровольным и не было связано с секретными дополнительными протоколами к пакту Молотова – Риббентропа и к советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года, согласно которым все государства Прибалтики были включены в советскую сферу интересов.

В действительности, именно реализуя советско-германские тайные соглашения, Советский Союз еще осенью 1939 года приступил к подготовке аннексии прибалтийских стран. После того как Красная Армия заняла восточные воеводства в Польше, СССР стал граничить со всеми государствами Прибалтики. К границам Литвы, Латвии и Эстонии были придвинуты советские войска. В конце сентября этим странам в ультимативной форме было предложено заключить договоры о дружбе и взаимопомощи с СССР. 24 сентября Молотов заявил прибывшему в Москву министру иностранных дел Эстонии Карлу Сельтеру: «Советскому Союзу требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море... Не принуждайте Советский Союз применять силу для того чтобы достичь своих целей».

25 сентября Сталин сообщил германскому послу графу Фридриху-Вернеру фон дер Шуленбургу, что «Советский Союз немедленно возьмется за решение проблемы прибалтийских государств в соответствии с протоколом от 23 августа».

Договоры о взаимопомощи с прибалтийскими государствами заключались под угрозой применения силы. 28 сентября был заключен советско-эстонский пакт о взаимопомощи. На территорию Эстонии был введен 25-тысячный советский воинский контингент. Сталин сказал Сельтеру при его отъезде из Москвы: «С вами могло бы получиться, как с Польшей. Польша была великой державой. Где теперь Польша?»

5 октября пакт о взаимопомощи был подписан с Латвией. В страну вошел 25-тысячный советский воинский контингент. А 10 октября с Литвой был подписан «Договор о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой». Когда министр иностранных дел Литвы Юозас Урбшис заявил, что предлагаемые условия договора равнозначны оккупации Литвы, Сталин возразил, что «Советский Союз не намерен угрожать независимости Литвы. Наоборот. Вводимые советские войска будут подлинной гарантией для Литвы, что Советский Союз защитит ее в случае нападения, так что войска послужат безопасности самой Литвы». И добавил с усмешкой: «Наши гарнизоны помогут вам подавить коммунистическое восстание, если оно произойдет в Литве». В Литву также вошли 20 тыс. красноармейцев.

После того как в мае 1940 года Германия молниеносно разгромила Францию, Сталин решил в ускоренном порядке осуществить аннексию прибалтийских государств и Бессарабии. 4 июня сильные группировки советских войск под видом учений начали выдвигаться к границам Литвы, Латвии и Эстонии. 14 июня Литве, а 16 июня – Латвии и Эстонии были предъявлены ультиматумы аналогичного содержания с требованием допустить на свою территорию значительные по численности советские воинские контингенты, по 9–12 дивизий в каждую из стран и сформировать новые, просоветские правительства с участием коммунистов, хотя численность компартий составляла в каждой из республик по 100–200 человек. Предлогом для ультиматумов послужили провокации, будто осуществляемые против расквартированных в Прибалтике советских войск. Но этот предлог был шит белыми нитками. Утверждалось, например, будто литовская полиция похитила двух советских танкистов, Шмовгонца и Носова.

Но уже 27 мая они вернулись в свою часть и заявили, будто их сутки держали в подвале, пытаясь получить сведения о советской танковой бригаде. При этом Носов таинственным образом превратился в Писарева.

Ультиматумы были приняты. 15 июня советские войска вошли в Литву, а 17 июня – в Латвию и Эстонию. В Литве президент Антанас Сметана требовал отвергнуть ультиматум и оказать вооруженное сопротивление, но, не получив поддержки большинства кабинета, бежал в Германию.

Реально оказать вооруженное сопротивление советской агрессии армии прибалтийских государств не могли ни осенью 1939 года, ни тем более летом 1940 года. В трех странах можно было бы в случае мобилизации поставить под ружье 360 тыс. человек. Однако, в отличие от Финляндии, в Прибалтике не было собственной военной промышленности, не было даже достаточных запасов стрелкового оружия, чтобы вооружить такое количество людей. Если Финляндия также могла получать поставки вооружения и боевой техники через Швецию и Норвегию, то путь в Прибалтику через Балтийское море был закрыт советским флотом, а Германия соблюдала пакт Молотова – Риббентропа и отказала в помощи прибалтийским государствам. Кроме того, Литва, Латвия и Эстония не обладали пограничными укреплениями, и их территория была гораздо более доступна для вторжения, чем покрытая лесами и болотами территория Финляндии.

Новые просоветские правительства провели выборы в местные парламенты по принципу – один кандидат от нерушимого блока беспартийных на одно место. Причем этот блок во всех трех государствах Прибалтики назывался одинаково – «Союз трудового народа», а выборы прошли в один и тот же день – 14 июля. Присутствовавшие на участках люди в штатском брали на заметку тех, кто кандидатов вычеркивал или бросал в урны пустые бюллетени. Нобелевский лауреат польский писатель Чеслав Милош, находившийся в то время в Литве, вспоминал: «Голосовать на выборах можно было за единственный официальный список «трудового народа» – с одинаковыми программами во всех трех республиках. Голосовать приходилось, так как каждому избирателю в паспорт ставился штамп. Отсутствие штампа удостоверяло, что владелец паспорта – это враг народа, уклонившийся от выборов и тем самым обнаруживший свою вражескую сущность». Естественно, коммунисты получили во всех трех республиках более 90 % голосов – в Эстонии 92,8 %, в Латвии 97 %, а в Литве даже 99 %! Явка тоже была впечатляющей – 84 % в Эстонии, 95 % в Латвии и 95,5 % в Литве.

Неудивительно, что 21–22 июля три парламента одобрили декларацию о вхождении Эстонии в состав СССР. Кстати, все эти акты противоречили конституциям Литвы, Латвии и Эстонии, где говорилось, что вопросы независимости и изменения государственного строя можно решать только путем всенародного референдума. Но в Москве спешили аннексировать Прибалтику и на формальности не обращали внимание. Верховный Совет СССР удовлетворил написанные в Москве обращения о приеме в состав Союза Литвы, Латвии и Эстонии в период с 3 по 6 августа 1940 года.

Сначала многие латыши, литовцы и эстонцы видели в Красной Армии защиту от германской агрессии. Рабочие были рады открытию предприятий, бездействовавших из-за мировой войны и вызванного кризиса. Однако вскоре, уже в ноябре 1940 года, население Прибалтики оказалось полностью разорено. Тогда местные валюты приравняли к рублю по резко заниженным курсам. Также национализация промышленности и торговли привела к инфляции и дефициту товаров. Перераспределение земли от более зажиточных крестьян к беднейшим, принудительное переселение хуторян в деревни и репрессии против духовенства и интеллигенции вызвали вооруженное сопротивление. Появились отряды «лесных братьев», названные так в память о повстанцах 1905 года. И уже в августе 1940 года начались депортации евреев и других нацменьшинств, а 14 июня 1941 года очередь дошла и до литовцев, латышей и эстонцев.

Накануне Великой Отечественной войны из Эстонии было депортировано 10 тыс. человек, из Литвы – 17,5 тыс. человек и из Латвии – 16,9 тыс. человек.

Захват Советским Союзом стран Прибалтики принципиально ничем не отличался от захвата Германией Австрии в 1938 году, Чехословакии в 1939-м и Люксембурга и Дании в 1940-м, также осуществленного мирным путем. Факт оккупации (в значении захват территории против воли населения этих стран), являвшийся нарушением норм международного права и актом агрессии, был признан преступлением на Нюрнбергском процессе и вменен в вину главным нацистским военным преступникам. Как и в случае с Прибалтикой, аншлюсу Австрии предшествовал ультиматум о создании в Вене прогерманского правительства во главе с нацистом Зейссом-Инквартом. И уже оно пригласило в Австрию германские войска, которых ранее на территории страны вообще не было. Аннексия Австрии была осуществлена в такой форме, что она сразу же была включена в состав Рейха и разделена на несколько рейхсгау (областей). Аналогичным образом Литва, Латвия и Эстония после короткого периода оккупации были включены в состав СССР на правах союзных республик. Чехия, Дания и Норвегия были превращены в протектораты, что не мешало и в ходе войны, и после нее говорить об этих странах как оккупированных Германией. Эта формулировка отразилась и в приговоре Нюрнбергского процесса над главными нацистскими военными преступниками в 1946 году.

Российское правительство до сих пор не признает факта советской оккупации государств Прибалтики и утверждает, что ввод войск в июне 1940 года не был непосредственно связан с последующей аннексией государств Прибалтики. В Литве, Латвии и Эстонии считают ввод советских войск и последующее присоединение стран Балтии к СССР одним из многочисленных сталинских преступлений.

Миф Катыни

Главный миф, связанный с расстрелом польских офицеров в Катыни и других местах, заключается в утверждениях, десятилетиями тиражировавшимися вплоть до конца 80-х годов XX века советской пропагандой и официальными лицами, будто поляки были расстреляны немцами осенью 1941 года. Однако попытка приписать это злодеяние нацистам на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками в 1945–1946 годах потерпела полный провал, поскольку защите подсудимых удалось доказать, что те исполнители, которым советское обвинение приписывало данное преступление, или не существовали вовсе, или никаким образом не могли его совершить.

В ходе оккупации советскими войсками Западной Украины и Западной Белоруссии оказалось в плену у Красной Армии около четверти миллиона польских солдат, 8,5 тыс. офицеров и 6,5 тыс. полицейских и работников юстиции. Значительная часть рядового состава – уроженцев оккупированных Красной Армией областей – распустили по домам. Офицеров и полицейских сосредоточили в трех лагерях – Осташков (6,5 тыс., в основном полицейских) в Калининской области, Старобельск (около 4 тыс.) в Ворошиловоградской области и Козельск (4,7 тыс.) в Смоленской области. 20 февраля 1940 года начальник Управления НКВД по делам о военнопленных Петр Карпович Сопруненко представил Берии предложения, по которому 400 гражданских лиц должны были быть переданы областным управлениям НКВД для рассмотрения их дел Особым совещанием, 300 человек больных, инвалидов и стариков предполагалось освободить, равно как и 400–500 офицеров – жителей западных областей Украины и Белоруссии, на которых не было «компрометирующих материалов». Остальных пленных офицеров в конце февраля начали готовить к этапированию на Камчатку с приговорами Особого совещания: от 3 до 8 лет лагерей. Однако 5 марта 1940 года Политбюро, по представлению НКВД (которое было составлено уже после принятия решения высшим партийным органом), приняло решение «дела о находящихся в лагерях военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников (польских крестьян, поселенных на украинских и белорусских землях после 1920 года. – Б. С.), а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков – рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения...».

Почти 25 тыс. человек собирались расстрелять только на основе справок, составленных органами НКВД. Расстреляли в течение апреля и первой половины мая 1940 года чуть меньше. Казни проходили в апреле и первой половине мая 1940 года в Катынском лесу, вблизи поселка Медное и в лесопарковой зоне Харькова. Спешка с казнью была связана с планом Сталина напасть на Гитлера летом 1940 года, после чего Польша становилась советским союзником. Запущенная в последние годы в российской публицистике легенда, будто убийство в Катыни было мстью за убийство в польских лагерях 60 тыс. пленных красноармейцев в 1920 году, не имеет ничего общего с действительностью. В советско-польской войне 1920 года из 130 тыс. советских пленных умерло 18–20 тыс. человек. Они не были расстреляны, а стали жертвами эпидемий и недоедания. Никаких ссылок на события 1920 года в документах Политбюро 1939–1940 годов нет.

Из 14 854 заключенных Осташкова, Старобельска и Козельска уцелело около 400. 24 офицера немецкого происхождения были переданы Германии, а 19 офицеров литовского происхождения – Литве. 138 офицерам сохранили жизнь как представлявшим оперативный

интерес. Еще 167 уцелели по другим причинам. Среди них были осведомители НКВД, 40 врачей, а также группа офицеров во главе с полковником Зигмунтом Берлингом, выразившая готовность к политическому сотрудничеству с СССР без санкции польского правительства в Лондоне. Из числа гражданских лиц, заключенных в тюрьмах Украины и Белоруссии, было расстреляно 7305 человек. Об этом сообщил Хрущеву тогдашний председатель КГБ Александр Шелепин, указав, что всего, включая офицеров из Осташкова, Старобельска и Козельска, было расстреляно 21 857 человек. Ныне правительство Украины предоставило список расстрелянных гражданских лиц на 3,5 тыс. человек, находившихся в украинских тюрьмах. Власти Белоруссии такого списка польской стороне до сих пор не предоставили.

После нападения Гитлера на СССР польское правительство в Лондоне не раз запрашивало Москву о судьбе пленных, связь с которыми прервалась весной 1940 года. Ответы были туманные, вплоть до того, будто офицеров отправили... в Маньчжурию. В апреле 1943 года в Катынском лесу близ Смоленска немцы обнаружили могилы поляков из Козельского лагеря и обвинили в этом преступлении СССР. Они утверждали, что в Катыни похоронено более 12 тыс. человек, т. е. почти все попавшие в советский плен офицеры. В действительности в Катыни было расстреляно только около 4350 человек. Комиссия польского и Международного Красного Креста, в которую входили подпольщики, связанные с польским правительством в Лондоне, установила, что расстрел произошел весной 1940 года, когда территория была под советским контролем. К такому же выводу пришла созданная немцами международная комиссия с участием экспертов из стран – союзников Рейха и нейтральной Швейцарии.

Англия и США ради сохранения союза с СССР поддерживали советскую версию, будто казнь была совершена осенью 1941 года, уже после занятия Смоленска немцами. Но в служебной переписке чиновники британского МИДа еще в 1943 году высказывали уверенность, что расстрел в Катыни – советских рук дело. После того как осенью 1943 года Смоленская область была освобождена от немецких войск, на место захоронений была направлена «Специальная комиссия по определению и изучению обстоятельств расстрела гитлеровскими оккупантами в Катынском лесу польских офицеров-военнопленных» во главе с академиком Николаем Бурденко. Она провела повторную эксгумацию и в январе 1944 года опубликовала «Спецсообщение», где возложила вину на немцев. Время расстрела при этом было датировано осенью 1941 года, когда на территории Катынского леса уже находились германские войска.

В 1948 году слушания по Катынскому делу были проведены в Конгрессе США. Уцелевшие польские офицеры из Козельского лагеря вели списки, в которых отмечали, кто из их товарищей в какой день покинул лагерь. При сравнении этих списков с данными эксгумации в Катыни выяснилось, что лица, покидавшие в один и тот же день Козельский лагерь, оказывались в одной и той же катынской могиле. Поскольку было совершенно невероятно, чтобы немцы расстреливали поляков теми же партиями, какими их забирали из лагеря сотрудники НКВД, то сомнений в советской вине не осталось. С конца 40-х годов мало кто в западном мире сомневался, что Катынь – дело рук НКВД, но официальных обвинений Советскому Союзу не предъявлялось.

В марте 1989 года по просьбе коммунистических руководителей Польши, доживавших последние месяцы у власти, Политбюро ЦК КПСС поручило прокуратуре и КГБ вернуться к исследованию обстоятельств Катынского дела. 22 января 1991 года Генеральный прокурор СССР Николай Турбин доложил Политбюро: «Собранные материалы свидетельствуют, что военнопленные отправлялись конвойными подразделениями Главного конвойного управления НКВД СССР железнодорожным транспортом по 90—100—125 человек соответственно по 2—3 вагона с 3 апреля по 16 мая 1940 года». Только 17 мая 1991 года Турбин в письме Горбачеву рискнул «сделать предварительный вывод о том, что польские военнопленные могли быть расстреляны на основании решения Особого совещания при НКВД СССР в течение апреля – мая 1940 года в УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей и захоронены соответ-

ственно в Катинском лесу под Смоленском, в районе поселка Медное в 32 км от г. Твери и в 6-м квартале лесопарковой зоны г. Харькова». И сообщил, что дал предварительное согласие польской прокуратуре на совместную эксгумацию в предполагаемых местах захоронений в августе 1991 года. Эксгумация в лесопарковой зоне Харькова прошла с 25 июля по 9 августа, а в Медном – с 15 по 31 августа, в дни августовского путча. 19 августа, в первый день путча, руководители местного КГБ пытались прекратить работы, но следственная группа во главе с руководителем следственной группы полковником А.В. Третьким и помощником Главного военного прокурора полковником юстиции Н.Л. Анисимовым довела работы до конца.

В 1992 году в России были опубликованы документы из Президентского архива, свидетельствующие, что решение о расстреле польских офицеров принято на заседании Политбюро 5 марта 1940 года. «За» проголосовали все присутствовавшие на заседании члены Политбюро: Иосиф Сталин, Климент Ворошилов, Вячеслав Молотов и Анастас Микоян. Михаил Калинин и Лазарь Каганович на заседании не присутствовали, но высказались «за». Несмотря на признание советской ответственности за преступления в Катыни, Медном и Харькове, российские власти до сих пор не признали своей юридической ответственности за произошедшее в качестве правопреемников СССР и не решили вопрос о выплате компенсации семьям погибших поляков.

Миф добровольного присоединения к СССР Бессарабии и Северной Буковины

Главный миф, связанный с добровольным присоединением к Советскому Союзу Бессарабии и Северной Буковины, ранее являвшихся частью территории Румынии, заключается в том, что это присоединение произошло согласно ясно выраженной воле местного населения и вне всякой связи с секретным дополнительным протоколом к пакту Молотова – Риббентропа, согласно которому Бессарабия была отнесена к советской сфере интересов.

В действительности данные территории присоединены под угрозой применения военной силы, и воля местного населения о присоединении к СССР никогда не была выражена. Бессарабия была присоединена к Румынии согласно Бухарестскому договору 1918 года с Германией и ее союзниками и Сен-Жерменскому договору 1919 года с Австрией. До 1918 года Бессарабия входила в состав Российской империи и Российской Республики, а Буковина была австрийской провинцией. СССР не признавал присоединение Бессарабии, хотя не раз изъявлял готовность признать Бессарабию румынской территорией, если Румыния согласится отказаться от требования возвращения румынского золотого запаса, который был передан на временное хранение в Россию в 1916–1917 годах после оккупации большей части территории Румынии войсками центральных держав. В 1924 году на левобережье Днестра, по которому проходила тогда советско-румынская граница, была создана Молдавская АССР, в которой этнические молдаване (румыны) составляли меньшинство и которая рассматривалась как плацдарм для возвращения Бессарабии и будущего создания Молдавской ССР. В августе 1928 года Румыния присоединилась к пакту Бриана – Келлога, в котором участвовал и Советский Союз и который предусматривал отказ от войны как от средства внешней политики государства. Согласно секретному дополнительному протоколу к пакту Молотова – Риббентропа СССР получил Бессарабию в сферу своего влияния. Однако о Северной Буковине ни в одном из секретных советско-германских протоколах речи не было, но Гитлер после оккупации этой территории Красной Армией не стал поднимать шума, поскольку еще не был готов к войне с Советским Союзом. 9 апреля НКВД заявил протест румынским властям по поводу якобы имевших место 15 обстрелов советских пограничных постов с румынской территории и начавшегося минирования мостов через Днестр. В мае была объявлена частичная мобилизация румынских войск. 11 мая штаб Киевского военного округа отдал приказ провести набор мобилизационных комплектов карт румынской пограничной зоны. 1 июня Германия предупредила Румынию о том, что будет соблюдать нейтралитет в случае советско-румынского вооруженного конфликта, хотя и продолжала поставлять Бухаресту в обмен на нефть трофейное польское оружие. В тот же день Румыния предложила СССР расширить товарооборот, но получила отказ. 9 июня по приказу Наркомата обороны для подготовки операции против Румынии было создано управление Южным фронтом во главе с генералом Г.К. Жуковым, а на следующий день советские войска начали выдвигаться к границе.

23 июня Молотов заявил германскому послу Шуленбургу о намерении СССР в ближайшем будущем присоединить к себе не только Бессарабию, но и Северную Буковину и обещал учитывать германские экономические интересы в Румынии. Шуленбург заявил, что, поскольку Буковина не фигурировала в секретном протоколе, он должен запросить Берлин. 25 июня в Москву поступил ответ от имени Риббентропа. Он заявил о неожиданности претензий на Буковину, просил учесть интересы проживавших там и в Бессарабии немцев, но заверил, что Германия будет соблюдать пакт о ненападении. В то же время Риббентроп выразил готовность повлиять на Румынию в плане мирной уступки этих территорий, чтобы Румыния не преврати-

лась в театр военных действий. В тот же день в войска Южного фронта поступила директива о проведении политработы в период войны с Румынией.

26 июня 1940 года советское правительство в ультимативной форме потребовало от Румынии передать СССР Бессарабию и населенную преимущественно украинцами Северную Буковину. 27 июня в Румынии была объявлена мобилизация, но Бухарест, по совету Берлина, в ночь на 28-е ультиматум принял. Утром 28 июня Красная Армия, не встречая сопротивления, вступила на территорию Бессарабии и Северной Буковины и 30 июня вышла к новой границе на реке Прут. Ввод войск растянулся на шесть дней и был замедлен из-за частых поломок советских танков и автомашин. 3 июля новая граница с Румынией была окончательно закрыта с советской стороны. Те румынские солдаты, которые не успели пересечь Прут, были обезоружены и пленены.

Никаких собственных органов власти, которые просили бы о приеме этих территорий в состав СССР, в Бессарабии и Северной Буковине не создавалось. На них сразу же была распространена деятельность молдавских и украинских советских и партийных органов. 2 августа 1940 года была образована Молдавская ССР, включившая 6 из 9 уездов Бессарабии и 6 из 14 районов Молдавской АССР. Остальные территории Бессарабии и Молдавской АССР, а также Северная Буковина вошли в состав Украинской ССР.

Первоначально население не проявляло враждебности к советским войскам. Однако насильственная коллективизация, закрытие церквей, дефицит товаров и репрессии против интеллигенции и представителей имущих классов изменили ситуацию. Весной и летом 1941 года из Бессарабии и Северной Буковины было депортировано около 30 тыс. человек «антисоветских элементов». 1 апреля 1941 года первый секретарь Компартии Украины Никита Хрущев сообщал Сталину: «Часть крестьян ближайших четырех сел Глыбокского района Черновицкой области направилась в районный центр – село Глыбокое с требованием отправить их в Румынию. Толпа насчитывала около одной тысячи человек, преимущественно мужчины. В середине дня 1 апреля толпа вошла в село Глыбокое, подошла к зданию райотдела НКВД, некоторые несли кресты, было одно белое знамя (которое, как объяснили сами участники этого шествия, должно было символизировать мирные намерения). На одном кресте была приклеена надпись: «Смотрите, братцы, это те кресты, которые покалечили красноармейцы»... Около 19 часов 1 апреля толпа в 500–600 человек в Глыбокском районе пыталась прорваться в Румынию. Пограничники открыли огонь. В результате, по предварительным данным, около 50 человек убито и ранено, остальные разбежались. За границу никто не прорвался».

Сталин ответил Хрущеву: «Вообще из Вашего сообщения видно, что работа у Вас в приграничных районах идет из рук вон плохо. Стрелять в людей, конечно, можно, но стрельба не главный метод нашей работы».

С началом Великой Отечественной войны большинство мобилизованных молдаван (румын) Бессарабии и Северной Буковины добровольно сдались в плен румынским войскам. Здесь румыны взяли более 80 тыс. пленных, которых тут же распустили по домам и частично призвали в свою армию. Стоит также отметить, что в годы Великой Отечественной войны из 2892 человек, участвовавших в советском партизанском движении в Молдавии, этнических молдаван было только семеро. Коренное население Бессарабии явно рассматривало возвращение в лоно Румынии как благо по сравнению с советской оккупацией, предоставив возможность партизанить против немцев красноармейцам-окруженцам и присланным сюда советским и партийным работникам. А известная песня про «смуглянку-молдаванку», собирающую молдаванский партизанский отряд, написанная в 1940 году как раз в связи с присоединением к СССР Бессарабии, – не более чем поэтический образ, ничего общего не имеющий с действительностью.

Миф о том, что Сталин боялся Гитлера

Один из наиболее распространенных мифов как советской и российской, так и зарубежной историографии заключается в том, что накануне Великой Отечественной войны Сталин боялся Гитлера, любой ценой стремился отсрочить германское нападение на СССР и поэтому до последнего момента не приводил в боевую готовность войска приграничных округов.

В действительности причины неготовности к отражению германского вторжения заключались как в системных причинах низкой боеспособности и боеготовности Красной Армии, связанных с советской тоталитарной системой, так и с тем обстоятельством, что Сталин готовил ее не к обороне, а к нападению на Германию. Еще 26 февраля 1940 года, когда Англия и Франция рассматривали возможность вступления в советско-финскую войну на стороне Финляндии и готовились отправить экспедиционный корпус на помощь финнам, Балтийский флот получил директиву считать вероятными противниками не их, а коалицию в составе Германии, Италии, Венгрии и Финляндии. Сталин думал напасть на Германию после начала генерального наступления вермахта на Западе, которое ожидалось весной 1940 года. Поэтому он торопился закончить войну с Финляндией, отказавшись от захвата этой страны. Освободившиеся войска, в том числе вся авиация, ускоренными темпами перебрасывались к западным границам. Были казнены пленные польские офицеры в Катыни. В случае начала войны с Германией их пришлось бы освободить и передать польскому эмигрантскому правительству в Лондоне – союзнику в борьбе с Гитлером. Создания же неподконтрольной СССР польской армии Сталин не желал. До начала июля 1940 года был отодвинут срок демобилизации призванных на финскую войну. Сталин рассчитывал, что к тому времени вермахт увязнет на линии Мажино. В тот момент 97 советским стрелковым и кавалерийским дивизиям и 17 танковым бригадам Гитлер мог противопоставить лишь 12 ослабленных пехотных дивизий. В ночь на 7 мая 1940 года Сталин был на дружеской вечеринке у заместителя начальника своей охраны Александра Эгнаташвили. Жена Эгнаташвили, чья сестра жила в Америке, спросила: «Неужели мы будем воевать с Америкой?» Сталин в ответ поднял бокал вина и торжественно провозгласил: «Мы не будем воевать с Америкой. Мы будем воевать с Германией, а Англия и Америка будут нашими союзниками». Однако Франция рухнула в две недели, еще до конца мая. Поход на Запад Сталин отложил. Хрущев вспоминал: «Я был у Сталина во время капитуляции Франции. Он выругался сочно, по-русски, говорил: видите, Гитлер развязал себе руки на Западе».

Теперь Красной Армии могли противостоять основные силы вермахта, а в случае успеха открывалась возможность оккупировать всю Западную Европу. Для этой цели Сталин стал разворачивать механизированные и воздушно-десантные корпуса. Однако одновременно он формировал 29 механизированных корпусов, в каждом из которых должно было быть более тысячи танков. Для такого большого количества корпусов не хватало ни опытных кадров, ни средств связи и средств тылового обеспечения, и мехкорпуса оказались плохо управляемыми и мало боеспособными. С октября 1940 года предпринимались меры по формированию польской дивизии Красной Армии из «правильно политически мыслящих» военнопленных. По свидетельству маршала Жукова, в начале 1941 года «в ответ на мой доклад о том, что немцы усилили свою воздушную, агентурную и наземную разведку, И.В. Сталин сказал:

«— Они боятся нас. По секрету скажу вам, наш посол имел серьезный разговор лично с Гитлером, и тот ему конфиденциально сообщил:

— Не волнуйтесь, пожалуйста, когда будете получать сведения о концентрации наших войск в Польше. Наши войска будут проходить большую переподготовку для особо важных задач на Западе».

Сталин считал, что Гитлер сам боится советского нападения и поэтому концентрирует войска на границе.

В марте 1941 года был подготовлен план стратегического развертывания на Западе, предусматривающий нанесение главного удара в Южной Польше. На нем первый заместитель начальника Генштаба генерал Николай Ватугин оставил резолюцию, что наступление Юго-Западного фронта должно начаться 12 июня 1941 года. Однако пропускная способность советских железных дорог была в 2,5 раза ниже, чем германских, и сосредоточить войска к указанному сроку не успели. В середине мая был разработан план превентивного удара, обосновывавшийся тем, что «Германия имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар». Однако к отражению такого удара не готовились, что позволяет предположить: слова о возможной германской агрессии были лишь пропагандистской риторикой. Точно так же в 1939 году нападение на Финляндию готовилось как «контрудар», хотя о финском нападении на СССР мог думать только сумасшедший. В майском плане реальным было только намерение «упредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск». 152 советские дивизии должны были разгромить 100 немецких дивизий на фронте Краков – Катовице. В действительности здесь советским войскам противостояла бы всего 31 дивизия, тогда как во фланг наступающим советским войскам ударила бы самая мощная германская группа армий «Центр».

Судя по срокам выдвижения войск, наступление было намечено на июль 1941 года. 4 июня Политбюро приняло решение сформировать к 1 июля 1941 года польскую дивизию Красной Армии из «лиц, знающих польский язык». Точно так же за месяц до нападения на Финляндию начал формироваться финский корпус Красной Армии. Немцы же в мае 1941 года приступили к формированию украинских батальонов «Роланд» и «Нахтигаль». К 1 июля к границе должны были выдвинуться все дивизии советских приграничных округов, а к 20 июля все советские самолеты должны были быть окрашены в летний маскировочный цвет. 20 июня Главный военный совет утвердил проект директивы о политработе в войсках, где подчеркивалось: «Каждый день и час возможно нападение империалистов на Советский Союз, которое мы должны быть готовы предупредить своими наступательными действиями». Немецким же солдатам за 7 часов до вторжения в Россию их командиры говорили: «Товарищи! Советский Союз намерен 18 июля напасть на наше Отечество. Благодаря фюреру и его мудрой дальновидной политике мы не будем дожидаться нападения, а сами перейдем в наступление». В действительности срок 18 июля был выдумкой пропагандистов Геббельса. О подготовке советского нападения Гитлер не знал, равно как и Сталин понятия не имел о плане «Барбаросса».

Гитлер, как известно, подписал директиву о проведении в жизнь плана «Барбаросса» 18 декабря 1940 года, вскоре после того как неудачей завершился ноябрьский визит Молотова в Берлин. Там ему было предложено присоединиться к Тройственному пакту Германии и Италии, получив в качестве сферы влияния Иран и Индию («территории, лежащие к югу от границ СССР в направлении Индийского океана»). Уже после возвращения Молотова в Москву через германское посольство был передан ответ. Советский Союз ставил своим условием присоединения к Тройственному пакту признание за ним сферы влияния в Финляндии, Болгарии, Румынии и Турции. Ответом Гитлера стала операция «Барбаросса».

Мы, вероятно, никогда не узнаем, было ли серьезным предложение Гитлера Сталину присоединиться к Тройственному пакту или это предложение было всего лишь «акцией прикрытия». Если верно первое предположение, то Гитлер мог отказаться от нападения СССР в 1941 году, если бы Сталин присоединился к Тройственному союзу на германских условиях. В случае же если верна вторая версия, нападение на СССР в 1941 году произошло бы независимо от того, на какие условия согласился бы Сталин. Точно так же невозможно достоверно установить, всерьез ли Сталин готов был присоединиться к союзу Италии, Японии и Германии, если бы Гитлер выполнил его условия, или его согласие присоединиться на определенных условиях

к Тройственному пакту, или это была только «акция прикрытия» планируемого на 1941 год советского нападения на Германию.

В документах не сохранилось предполагаемых сроков начала наступления Красной Армии. Здесь мы имеем дело с событием несбывшимся, тогда как германское нападение – свершившийся факт. Но даже если бы случилось чудо и Сталину удалось начать атаку, как и планировалось ранее, 12 июня, за 10 дней до германского нападения, это не изменило бы ни ход, ни исход столкновения с Гитлером. Значительно более низкий уровень подготовки Красной Армии все равно привел бы ее к поражению и быстрому переносу боев на советскую территорию. Война и тогда воспринималась бы нашим народом как Отечественная.

Сталин твердо знал, что Красная Армия превосходит вермахт по численности личного состава, что танков и самолетов у советских войск гораздо больше, чем у противника, и они по качеству не уступают немецким. «Кремлевский горец», в армии никогда не служивший (если не считать короткого пребывания в запасном полку накануне революции), верил, что по боевой выучке красноармейцы и их командиры не уступят германским солдатам и офицерам. А вот это-то и было роковым заблуждением. Адмирал Н.Г. Кузнецов писал в первом издании своих мемуаров «Накануне», вышедшем в 1966 году: «И.В. Сталин представлял боевую готовность наших Вооруженных Сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на пограничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши самолеты не успели подняться в воздух, а погибли прямо на аэродромах». В последующие издания эти слова не попали. Вероятно, цензоры спохватились, что сообразительные читатели могут прийти к крамольным выводам: раз Сталин преувеличивал боеготовность Красной Армии, то вполне мог думать и о нападении на Германию.

Миф о том, что в начале Великой Отечественной войны вермахт имел численное преимущество над Красной Армией

В советской историографии с момента начала Великой Отечественной войны господствовал миф, согласно которому успехи немцев в 1941 году были обусловлены внезапностью нападения и значительным численным превосходством, которым обладал вермахт над Красной Армией, особенно по числу танков и самолетов. При этом утверждается, что германская армия вторжения вместе с союзниками насчитывала 5,5 млн человек, тогда как противостоявшие им части Красной Армии вместе с пограничниками насчитывали только 2,9 млн человек.

Вторгшаяся в СССР германская сухопутная армия насчитывала около 3,3 млн человек. Из них в дивизиях первого эшелона, которые пересекли границу непосредственно 22 июня, насчитывалось 2,5 млн человек. Их поддерживали 3680 танков и штурмовых орудий и около 2 тыс. боевых самолетов. Если бы Красная Армия первая напала на Германию и имела успех или если бы, наоборот, германское вторжение было бы отражено Красной Армией в первые же дни, потенциальные германские союзники Финляндия, Румыния, Венгрия, Словакия и Италия вряд ли бы вступили в войну с СССР.

Вместе с немцами 22 июня вторглись румынские войска, насчитывавшие 342 тыс. человек. Румынские ВВС располагали 124 боевыми самолетами. 25 июня войну СССР объявила Финляндия. Это произошло после того как 480 советских самолетов подвергли массированной бомбардировке финские аэродромы, на одном из которых располагались немецкие самолеты, а также Хельсинки и другие финские города. Советская авиация потеряла 71 самолет, повредив один финский. Но бомбардировка была лишь предлогом, так как на территории Финляндии находились немецкие войска и ее вступление в войну было предрешиено. 10 июля финская армия, насчитывавшая после мобилизации около 220 тыс. человек, начала активные боевые действия. ВВС Финляндии насчитывали 295 самолетов, из них 213 – боевых. В июле на советско-германском фронте появились венгерские и итальянский корпуса, насчитывавшие соответственно 40 тыс. и 62 тыс. человек. Венгерская авиация на советско-германском фронте насчитывала 42 боевых самолета, итальянский корпус поддерживали 83 боевых самолета. Румынские, венгерские и итальянские войска имели лишь по несколько десятков легких танков. В немецком наступлении участвовала также одна словацкая бригада (5 тыс. человек, 30 танков) и 67 словацких боевых самолетов.

Противостоявшие им войска Красной Армии насчитывали 4,1 млн человек. Этой цифры ее численность достигла благодаря тому, что в апреле 1941 года было дополнительно призвано около 400 тыс. лиц, ранее освобожденных от призыва, а в мае – июне войска пополнились еще 800 тыс. резервистов, призванных на учебные сборы. Правда, многие из 800 тыс. запасных еще не успели прибыть в свои части и не представляли собой боеспособной силы. В советских западных приграничных округах насчитывалось 12,8 тыс. танков, включая 1475 новейших Т-34 и КВ, и 10 743 боевых самолета, включая 1317 машин новых типов (МиГ-1, МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3, Пе-2, Як-2, Як-4, Ил-2). Численность советских и неприятельских войск, даже с учетом немецких союзников, была примерно равной. По числу же самолетов и по числу и качеству танков многократный перевес был на советской стороне. Но немецкие войска владели инициативой и на направлениях главных ударов создали значительное превосходство в людях и артиллерии. Люфтваффе же в первый же день завоевали превосходство в воздухе, что во многом нейтрализовало советский перевес в танках.

Играло свою роль и то, что уже к февралю 1941 года все немецкие танки были оснащены либо радиостанциями, либо радиоприемниками. Так, в легкой танковой роте радиостан-

ции устанавливались на трех Pz.II и пяти Pz.III, а приемники – на двух Pz.II и двенадцати Pz.III. В роте средних танков приемопередатчики имели пять Pz.IV и три Pz.II, а приемники – два Pz.II и девять Pz.IV. В Красной Армии же к 22 июня в западных округах числилось 1993 однобашенных линейных Т-26, 1528 однобашенных радиальных Т-26, 1499 танков линейных БТ-7, 1212 радиальных БТ-7. Линейные танки не имели ни радиостанций, ни приемников и должны были ориентироваться на маневры командиров и на сигналы, подаваемые флажками. На 1 июня Красная Армия имела также 671 линейный танк Т-34 и 221 – радиальный. С учетом этого доля линейных танков в приграничных округах превышала 58 %, что делало советские танковые соединения слабоуправляемыми.

Немецкая группа армий «Юг» наступала на Киев, группа армий «Центр» – на Москву, группа армий «Север» – на Ленинград, а отдельная армия «Норвегия» – на Мурманск. Гитлер рассчитывал сокрушить советское сопротивление за 3–4 месяца, т. е. до наступления осенней распутицы во второй половине октября и зимних морозов, к которым вермахт не был подготовлен. За этот срок немецкие войска должны были выйти на линию Архангельск – Астрахань, откуда Люфтваффе следовало постоянными бомбардировками парализовать промышленность Урала. Здесь же должен был быть создан, как говорилось в директиве Гитлера, «заградительный барьер против Азиатской России». Но даже к концу декабря немцы были еще очень далеко от линии АА, да и с этой линии, при отсутствии у Люфтваффе стратегических бомбардировщиков, невозможно было бы парализовать уральские заводы и заставить Сталина отказаться от продолжения борьбы.

Красная Армия была застигнута врасплох. Внезапности немецкому командованию удалось достичь благодаря широко развернутой дезинформационной кампании, призванной убедить Сталина, что летом 1941 года вермахт собирается высадиться в Англии. Переброска войск на Восток подавалась как оборонительное мероприятие против возможной агрессии со стороны Красной Армии или как дезинформация, призванная успокоить англичан. К тому же почти все танковые и моторизованные дивизии, а также основные силы авиации были перебросены на Восток в последние 10 дней перед вторжением. 13 июня в официозе нацистской партии «Фелькише беобахтер» была опубликована статья министра пропаганды Йозефа Геббельса «Крит как пример», где был прямой намек на скорую высадку немцев в Англии. Номер был конфискован цензурой, но с таким расчетом, чтобы часть тиража успела достичь иностранных посольств. Ответом стало Заявление ТАСС, где утверждалось, что слухи о возможной советско-германской войне лишены оснований и что Германия, равно как и СССР, scrupulously соблюдает договор о ненападении. Сталин рассчитывал, что Гитлер сделает дежурный ответ о том, что Германия, дескать, тоже соблюдает пакт о ненападении. Однако Гитлер предпочел вообще никак не отреагировать на Заявление ТАСС, чтобы не расхолаживать собственные войска. На руку ему сыграло и то, что срок нападения, первоначально намеченный на 15 мая, из-за антигерманского переворота в Югославии и кампании вермахта на Балканах был перенесен на 22 июня. Поэтому те донесения советской разведки, где 15 мая называлось как возможный срок германского нападения, Сталин счел дезинформацией.

В первый день войны было уничтожено 1200 советских самолетов, а за первый месяц – около 10 тыс. машин. Вместо того чтобы, прикрывшись арьергардами, быстро отвести основные силы западных приграничных округов на линии укреплений на старой границе, советские механизированные корпуса на второй день войны по директиве наркома обороны маршала Семена Тимошенко и начальника Генштаба генерала Георгия Жукова нанесли контрудары. Сталин рассчитывал разгромить армию вторжения и на ее плечах вторгнуться в Германию и Польшу. Главный удар, как и предусматривал нереализованный план нападения на Германию, наносил Юго-Западный фронт. У него танков было в 5,5 раза больше, чем у противника, и одних только Т-34 и КВ было столько же, сколько всех танков у немецкой группы армий «Юг». Развернулось встречное танковое сражение в районе городов Луцк, Ровно и Дубно. Господ-

ство Люфтваффе в воздухе и низкий уровень подготовки советских танков и танкистов привели к тому, что механизированные корпуса Юго-Западного фронта были разбиты и отступили, потеряв более половины бронетехники. Командир одного из корпусов, генерал Дмитрий Рябышев, вспоминал: «...Корпус, совершая напряженные «сверхфорсированные» марши без соблюдения элементарных уставных требований обслуживания материальной части и отдыха личного состава, был подведен к полю боя, имея до 500 км пробега... 40–50 % материальной части были оставлены на маршрутах движения дивизий. Оставшаяся материальная часть после таких скоростных маршей оказалась для боя не подготовленной в техническом отношении». Положение Красной Армии на этом направлении осложнилось еще и тем, что восстали жители Львова. Повстанцы вступили в бой с советскими тыловыми частями и освободили из тюрьмы заключенных, которых НКВД должен был расстрелять при отступлении. Также против советских войск активно действовали отряды «лесных братьев» в Литве, Латвии и Эстонии.

Советское командование ожидало, что основная группировка немецких войск сосредоточена на юго-западном направлении и именно здесь собиралось нанести «превентивный» удар. На самом же деле главный удар по плану «Барбаросса» наносился группой армий «Центр» в Белоруссии, поэтому оборонявшийся здесь Западный фронт в первые же дни войны оказался в катастрофической ситуации. Его основные силы были окружены у Белостока и Минска. В плен попало более 300 тыс. красноармейцев. Сталин, Тимошенко и Жуков и начальник Главпура Лев Мехлис решили свалить всю ответственность за катастрофу на командование фронта. Командующего Западным фронтом Дмитрия Павлова 22 июля вместе с несколькими подчиненными приговорили к расстрелу. На суде Павлов заявил: «Мы... сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что недостаточно готовились в мирное время к этой войне». Он объяснил, почему советская авиация в первый же день была накрыта бомбами на аэродромах: «Допустил преступную ошибку, что авиацию разместили на полевых аэродромах ближе к границе, на аэродромах, предназначенных для занятия на случай нашего наступления, но никак не обороны». Бедняга-генерал не уточнил, что не он, а нарком обороны и Генштаб определяли, где именно дислоцировать самолеты.

3 июля 1941 года впервые с начала войны к народу обратился Сталин: «Целью этой все-народной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма, – подчеркнул он и добавил: «Нужно, чтобы советские люди... перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу... Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, полных нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР». Сталин вместо прежних интернационалистских лозунгов на первый план выдвинул русские национальные лозунги. Вместо «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» появилось «За Родину! За Сталина!». Были реабилитированы героические страницы русской истории, добрым словом вспомнили многих русских полководцев, в том числе князей и царей. Как писал поэт Николай Глазков, «Господи, вступися за Советы, Охрани страну от высших рас, Потому что все Твои заветы Гитлер нарушает чаще нас».

Но отступление продолжалось. Немцы к середине июля заняли Белоруссию, Западную Украину, Литву и Латвию, румыны вернули Бессарабию и вышли к Одессе, а финны продвигались в Карелии. Не удалось с ходу взять Киев, захватить Эстонию и прорваться к Ленинграду.

За это время вермахт и его союзники захватили территорию, примерно равную по площади той, которую они уже заняли в ходе боевых действий в Польше и Франции. Убитыми, ранеными и пленными за этот период Красная Армия потеряла даже значительно больше солдат, чем, например, польская армия в ходе месячной кампании вермахта в Польше. Однако ничто не свидетельствовало о близости капитуляции Красной Армии. Сказались огромные размеры советской территории, многочисленность населения и, не в последнюю очередь, стойкость тоталитарной системы, которую, из-за отсутствия организованной внутренней оппозиции, не могли разрушить даже тяжелейшие военные поражения.

Миф танка Т-34 как лучшего танка Второй мировой войны

Миф советского танка Т-34 сводится к утверждению, что он был лучшим танком Второй мировой войны в том значении, что превосходил в бою любой немецкий танк.

Действительно, советский танк Т-34 удостоился похвалы не только со стороны танкистов Красной Армии, но и со стороны их противников, на себе испытавших всю мощь его огня. Так, германский генерал Фридрих фон Меллентин назвал Т-34 «наиболее замечательным образцом наступательного оружия Второй мировой войны». А один из руководителей службы вооружений германской армии генерал Эрих Шнейдер утверждает: «Т-34 показал нашим, привыкшим к победам, танкистам превосходство в вооружении, броне и маневренности и стал настоящей сенсацией. Этот 26-тонный русский танк был вооружен 76,2-миллиметровой пушкой (калибр 41,5), снаряды которой пробивали броню немецких танков с 1,5–2 тыс. метров, тогда как немецкие танки могли поражать русские с расстояния не более 500 метров, да и то лишь в том случае, если снаряды попадали в бортовую и кормовую части Т-34. Толщина лобовой брони немецких танков равнялась 40 миллиметрам, бортовой – 14 миллиметрам. Русский танк Т-34 нес лобовую броню толщиной 70 миллиметров и бортовую – 45 миллиметров, причем эффективность прямых попаданий в него снижалась еще и за счет сильного наклона».

Главным конструктором Т-34 был Михаил Кошкин, начальник конструкторского бюро Харьковского паровозостроительного завода имени Коминтерна. Ему помогали специалист по танковым трансмиссиям Александр Морозов и бывший конструктор паровозов Николай Кучеренко. Для своего времени танк был передовым и превосходил по своим тактико-техническим все имевшиеся тогда в мире танки.

Такое превосходство сохранялось до конца 1942 года, когда появились модернизированные немецкие танки Т-IV с увеличенной толщиной брони и длинноствольной 75-мм пушкой. Они могли драться с «тридцатьчетверкой» на равных и даже имели некоторое преимущество за счет более совершенной оптики прицелов.

После Курской битвы, когда немцы впервые массово применили «тигры» и «пантеры» с 88-мм орудиями, на «тридцатьчетверку» установили более мощную пушку – 85-мм Д-5Т и увеличили толщину брони. В марте 1944 года на фронте появилась модификация Т-34—85. Их производство прекратилось в 1946 году. Всего было выпущено более 61 тыс. танков Т-34 разных модификаций.

Вполне мифологичным и не соответствующим действительности было утверждение, будто Т-34 в бою побеждал любой немецкий танк. Нет, в массовом количестве появившийся в 1943 году «тигр» пробивал лобовую броню «тридцатьчетверки» с дистанции в 1500 метров, а нашему танку для того чтобы поразить «тигра», надо было сблизиться с ним на 500 метров. Примерно та же ситуация была и с «пантерой». А «королевский тигр» выигрывал поединок даже с самым мощным советским тяжелым танком ИС-2, поражая его своим 88-мм длинноствольным орудием на дистанции, на которой тот не мог пробить броню неприятельского танка даже с помощью своего 122-мм орудия.

Однако главным достоинством «тридцатьчетверки» была вовсе не способность победить в бою любой немецкий танк, а простота конструкции и дешевизна производства. Ни одна из стран-участниц не смогла производить аналогичный танк, который бы при столь выдающихся боевых качествах стоил бы так дешево и мог производиться в столь большом количестве.

Можно сказать, что немцы во многом проиграли Вторую мировую войну благодаря своей передовой научно-технической мысли. Так, в ходе Курской битвы летом 1943 года немцы впервые на Восточном фронте массированно применили новые образцы вооружения и бое-

вой техники: танки «тигр» и «пантера», штурмовые орудия «фердинанд», самолеты ФВ-190 и Хе-129. И они вроде бы и в этом, и в последующих сражениях достигли неплохих результатов с точки зрения количества уничтоженной вражеской бронетехники. Так, согласно немецкой статистике, все подразделения, оснащенные танками Т-VI и Т-VIB («тигр» и «королевский тигр») за всю войну и на всех фронтах потеряли безвозвратно 1715 машин, уничтожив 9850 неприятельских танков и САУ, т. е. соотношение потерь в бронетехнике оказывается близким к 1:6. Но по крайней мере на Восточном фронте модернизированные Т-IV с длинноствольной 75-мм пушкой имели ничуть не худшие результаты. Между тем Т-IV, даже модернизированный, стоил во много раз меньше того же «тигра» или «пантеры». Вместо одного «тигра» можно было произвести десяток Т-IV и тем самым достичь более благоприятного количественного соотношения по бронетехнике как с Красной Армией, так и с армиями западных союзников. Тем более что на Западе танков, которые превосходили бы модернизированный Т-IV, так и не появилось до конца войны. Американский «Шерман» мог сражаться с ним лишь на равных, уступая и «пантерам», и «тиграм». В Советском Союзе модернизированный Т-34 с 85-мм пушкой впервые попал на фронт в марте 1944 года. Он превосходил модернизированный Т-IV и мог на равных сражаться с «пантерами», но уступал «тиграм» и «королевским тиграм». Однако можно вполне обоснованно предположить, что в случае, если бы у немцев не появились бы «тигры» и «пантеры», советские конструкторы вплоть до конца войны не получили бы задания на разработку Т-34—85.

Поэтому не будет преувеличением заявить, что немцы проиграли Вторую мировую войну в том числе и потому, что они были единственными участниками, кто уже во время войны интенсивно внедрял в серийное производство принципиально новые образцы вооружений и боевой техники, будь то «тигры» и «пантеры» или новейшие «Фокке-Вульфы» и реактивные истребители Ме-262 и ракеты «Фау». Все эти новинки были во много раз дороже своих более ранних аналогов (для ракет «Фау» таким аналогом были тяжелые бомбардировщики), но отнюдь не в столько же раз эффективнее. Вместо того, чтобы тратить силы и средства на новейшие «игрушки», быть может, стоило наращивать производство старых образцов, только модернизируя их? Например, тех же Ме-109 и Т-IV? Тогда, быть может, удалось бы если не ликвидировать, то существенно сократить количественное превосходство союзников в вооружении и боевой технике. Но в условиях тоталитарного режима главной становилась задача разработать и произвести необходимое вооружение и боевую технику, а вопрос о ее цене отходил на второй план. Конструкторы получали возможности воплощать в жизнь свои самые смелые разработки. И это происходило еще до того как превосходство союзников на всех фронтах вынудило Гитлера искать спасение в поисках «чудо-оружия», способного радикально изменить неблагоприятно складывающийся для Германии ход войны.

Справедливости ради надо сказать, что по безвозвратным потерям «тигры» имели некоторое преимущество перед модернизированными Т-IV. На одно и то же количество уничтоженных советских танков безвозвратные потери «тигров» непосредственно в бою были примерно вдвое меньше, чем безвозвратные потери даже модернизированных танков Т-IV. Таким образом, применение «тигров» также снижало безвозвратные потери среди немецких танковых экипажей. В условиях дефицита людских ресурсов Германии это было немаловажное обстоятельство. Однако оно все равно не делало «тигры» более эффективными, чем Т-IV с длинноствольными пушками, принимая во внимание сравнительную стоимость тех и других. Так же и по сравнению с Т-34 «тигры» были неэффективны, принимая во внимание их стоимость. Конечно, если бы Т-34 были бы оснащены более совершенной германской оптикой и имели бы больше комфорта для экипажа, подобно германским танкам, они бы действовали еще более эффективно. Однако с точки зрения соотношения боевой эффективности со стоимостью танк Т-34 был самым лучшим танком Второй мировой войны.

Миф подвига Николая Гастелло

Миф о подвиге Николая Гастелло, будто бы протаранившим своим подбитым бомбардировщиком колонну немецкой техники, стал одним из первых мифов Великой Отечественной войны.

Николай Францевич Гастелло, ставший одним из первых Героев Советского Союза после начала войны, был вполне подходящей фигурой для канонизации. Хотя капитан командир 4-й эскадрильи 207-го авиаполка дальних бомбардировщиков родился в 1907 году в Москве, он белорус по национальности, что должно было подчеркнуть интернационализм Красной Армии. К тому же получилось, что он пролил кровь за родную землю. Он участвовал в боях на Халхин-Голе и в советско-финской войне, а также участвовал в походе в Бессарабию и Северную Буковину.

По канонической советской версии, 26 июня 1941 года бомбардировщик ДБ-3Ф (Ил-4), будучи подбит, протаранил не немецкую моторизованную колонну. Однако согласно боевому донесению, самолет упал метрах в 40 от сбившей его зенитной батареи, причем нет данных, что он вообще нанес ей какой-либо ущерб. Кроме того, учитывая вес и аэродинамические качества ДБ-3, этот бомбардировщик даже при выходе из строя одного мотора практически терял управление. Поэтому направить его на какую-либо цель не было никакой возможности. Главное же, фамилия Николая Гастелло как фамилия летчика, который командовал экипажем бомбардировщика, упавшего вблизи шоссе Радосшковичи – Молодечно, в Радосшковичском районе Вилейской (ныне – Минской) области Белоруссии, возникла по ошибке. Ее назвал командир единственного уцелевшего в том бою советского бомбардировщика Федор Воробьев, утверждавший в донесении, что самолет Гастелло упал на колонну немцев, тогда как другой самолет экипажа под командованием Александра Маслова рухнул на лес. Много лет спустя, в 1951 году, при перезахоронении Гастелло и его экипажа на трупах, найденных у деревни Декшняны примерно в 170 метрах от шоссе, были найдены личные вещи сослуживцев Гастелло – командира 1-й эскадрильи 207-го ДБАП капитана Александра Спиридоновича Маслова, а также его стрелка-радиста Григория Васильевича Реутова. Стало ясно, что именно самолет Маслова упал у дороги. А самолет Гастелло упал в лесу, в болото. По рассказам местных жителей, из этого последнего самолета один летчик спасся с парашютом и, раненный, был взят немцами в плен. По некоторым признакам это был именно Гастелло, поскольку прыжок, по утверждению свидетелей, был совершен с крыла самолета. А оттуда мог прыгать только командир экипажа. Это факт был отмечен в «Списке безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 42-й авиадивизии с 22 по 28 июня 1941 года». Против экипажа Гастелло там значится: «Один человек из этого экипажа выпрыгнул с парашютом с горящего самолета, кто – неизвестно». Так что теоретически нельзя исключить, что Гастелло пережил Вторую мировую войну. Есть информация, что в 1990-е годы в Лондоне умер некий Николай Гастелло. Но был ли это сам Николай Францевич, или его потомок, или просто однофамилец, установить пока не представляется возможным. Надо также отметить, что подбитый ДБ-3 сразу же терял управление, поэтому своим товарищам Гастелло помочь уже не мог. И практически невозможно было направить подбитый самолет на скопление вражеской техники.

Поскольку данные о том, что вместо Гастелло на самом деле погиб другой экипаж, противоречили официальной версии, то в 1951 году экипаж Маслова без огласки перезахоронили в братской могиле на кладбище Радосшковичей, а фрагменты бомбардировщика Маслова были отправлены в музеи страны, как останки самолета Гастелло, на месте гибели экипажа Маслова был установлен памятник-монумент, посвященный подвигу экипажа Гастелло. Сам факт обнаружения обломков бомбардировщика Маслова и останков его экипажа доказывает, что самолет не врезался в колонну машин с горючим и боеприпасами или в зенитную батарею, а упал

на мягкий грунт. Тем более что немцы обычно использовали в полевых условиях не зенитные батареи, а самоходные зенитные установки. А в 170 метрах от шоссе ни зенитная батарея, ни самоходная установка находиться не могли.

В 1958 году члены экипажа Гастелло лейтенанты Анатолий Акимович Бурденюк и Григорий Николаевич Скоробогатый и старший сержант Алексей Александрович Калинин были посмертно награждены орденами Отечественной войны 1-й степени. Кстати, нужно сказать, что экипаж Гастелло был интернациональным: Бурденюк – украинец, Скоробогатый – русский, Калинин – ненец.

Позднее в Мацковском болоте между деревнями Мацки и Шепели были найдены останки самолета Гастелло, поскольку была обнаружена бирка от двигателя М-87Б серийный № 87844, принадлежащего именно его самолету, а также письмо Г.Н. Скоробогатого. А капитану Александру Маслову и еще трем членам его экипажа в 1996 году посмертно было присвоено звание Героев России. На самом деле и Маслов, и Гастелло, и члены их экипажей были подлинными героями. Ведь ДБ-3 были предназначены для бомбардировок с большой высоты. В первые дни войны из-за нехватки штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков дальние бомбардировщики вынуждены были использовать для бомбометания с малых высот, где они становились легкой добычей зениток и истребителей. Поэтому каждый вылет на тихоходном ДБ-3, лишенном истребительного прикрытия, был настоящим подвигом, а отважных летчиков ждала почти верная гибель или плен. Из 27 бомбардировщиков, вылетавших бомбить врага летом 1941 года в район Радошковичей, вернулся назад только один.

А капитану Маслову и членам его экипажа лейтенанту Владимиру Михайловичу Балашову, старшему сержанту Григорию Васильевичу Реутову и младшему сержанту Бахтурасу Бейксбаеву в 1996 году посмертно было присвоено звание Героя России. Казаху Бейксбаеву в 1998 году также было присвоено звание Народного героя Казахстана.

Александр Маслов, как и Гастелло, родился в 1907 году, но не в Москве, а в селе Андреевском Коломенского уезда Московской губернии. Он участвовал в походе в Польшу в сентябре 1939 года и в советско-финской войне.

Очевидно, что в случае с Гастелло мы имеем дело с чистой воды мифом. Тут недостоверно все – и случайно названная фамилия героя (в бою было очень трудно уследить, чей самолет куда упал), и придание герою сознательного стремления к самопожертвованию (чего в действительности чисто технически быть не могло), и нанесение противнику огромных потерь (которых в действительности не было). Легенда о Гастелло была призвана вдохновлять красноармейцев на самопожертвование и прикрыть неудачи советской авиации в первые недели войны.

Миф Смоленского сражения

Главный миф Смоленского сражения заключается в утверждении, что это сражение сыграло важную роль в срыве германского блицкрига и что на заключительном этапе советские войска имели успех. Чтобы доказать это, советские историки искусственно включили в Смоленское сражение Ельнинскую наступательную операцию Резервного фронта, проходившую в августе – сентябре 1941 года и завершившуюся ликвидацией ельнинского выступа. Однако к тому времени германское командование считало Смоленское сражение законченным и бросило основные силы группы армий «Центр» для окружения войск Юго-Западного фронта в районе Киева и для операции против Ленинграда.

Не дожидаясь полной ликвидации группировок советских войск, окруженных в районах Белостока и Минска, командование группы армий «Центр» решило продолжать наступление на Москву силами танковых и моторизованных дивизий, упредив завершение сосредоточения войск второго стратегического эшелона Красной Армии. 10 июля основные силы 3-й танковой группы Германа Гота устремились в обход Смоленска с севера. 2-я танковая группа Гейнца Гудериана наступала на город с юга. Войска Гота разбили 19-ю армию Конева и к 11 июля полностью овладели Витебском. Попытки частей трех советских армий вернуть Витебск закончились неудачей.

16 июля 1941 года танки Гудериана ворвались в Смоленск. В тот же день 7-я танковая дивизия танковой группы Гота после многодневных атак взяла Ярцево. До Москвы осталось чуть более 300 км. Казалось, что скоро Красная Армия будет уничтожена. Но подошедшие советские резервы нанесли контрудар, и в районе Смоленска две недели шли жестокие бои. Немецким танкистам не удалось с ходу овладеть городом. Смоленск обороняла 16-я армия генерала Лукина, срочно перенаправленная с Юго-Западного фронта. В окружении в районе Смоленска оказались также части 19-й и 20-й армий. Общее руководство боевыми действиями в ходе Смоленского сражения с советской стороны осуществлял генерал Андрей Еременко, назначенный 19 июля командующим Западным фронтом, а с немецкой стороны – генерал-фельдмаршал Ганс Клюге, командующий 4-й армией, в состав которой были включены обе танковые группы. Предшественник Еременко на посту командующего фронтом маршал Семен Тимошенко в приказе от 17 июля предупреждал: «Государственный Комитет Оборона отметил своим специальным приказом, что командный состав частей Западного фронта проникнут эвакуационными настроениями и легко относится к вопросу об отходе войск от Смоленска и сдаче Смоленска врагу. Если эти настроения соответствуют действительности, то подобные настроения среди командного состава Государственный Комитет Оборона считает преступлением, граничащим с прямой изменой Родине.

Комитет Оборона приказал пресечь железной рукой подобные настроения, порочащие знамя Красной Армии. Город Смоленск ни в коем случае не сдавать врагу».

Советские войска взорвали мосты через Днепр, но, несмотря на упорное сопротивление, немцам к 19 июля удалось овладеть большей частью Смоленска. 18–20 июля контрудар с целью деблокирования Смоленска из района Ярцево наносила группа генерала Константина Рокоссовского, но прорваться к окруженным не смогла. Столь же безуспешными оказались действия других оперативных групп Западного фронта под командованием генералов Владимира Качалова, Ивана Масленникова и Василия Хоменко. Пять дивизий из оперативной группы Качалова под Рославлем попали в окружение и были почти полностью уничтожены, а сам Качалов погиб. В приказе Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 года он был безосновательно обвинен в измене Родине и добровольной сдаче в плен. Владимира Яковлевича реабилитировали только в 1963 году.

26 июля пал Могилев. А в ночь на 27 июля немцы захватили Соловьевскую переправу, замкнув кольцо окружения. Еременко не удалось скоординировать действия всех оперативных групп. Наступление было плохо подготовлено, так как срочно перебрасываемые к Смоленску дивизии третьего стратегического эшелона вводились в бой с ходу.

К 28 июля командование группы армий «Центр» перебросило к Смоленску пехотные дивизии, освободившиеся после ликвидации Минского «котла», и положение защитников города стало безнадежным. 4–5 августа остатки окруженной группировки вышли из окружения, во многом благодаря тому, что части Рокоссовского на время отбили Соловьевскую переправу.

30 июля Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) своей директивой № 34 приказало группе армий «Центр» основными силами перейти к обороне. Без переброски дополнительных сил она не могла продолжать наступление на Москву. Гитлер решил сначала достичь стратегических целей на флангах. Группа армий «Юг» должна была овладеть Киевом, а затем прорваться в Донбасс. Группе армий «Север» предстояло выйти на подступы к Ленинграду, но город не брать. Таким образом фланговые угрозы группе армий «Центр» были бы устранены, и тогда предполагалось возобновить наступление на советскую столицу. Против этого возражало Главное командование сухопутных войск (ОКХ), настаивавшее на продолжении наступления на Москву, и многие командующие армиями. Так, командующий 3-й танковой группой Гот вспоминал: «Это было полным отречением от первоначального плана – мощными силами, сосредоточенными в центре, пробиться через Смоленск на Москву. «Мощные силы» центра, состоявшие из двух танковых групп и трех полевых армий, сократились до одной полевой армии. Обе же танковые группы – основная ударная сила – были переброшены одна направо, другая налево. Совершенно очевидно, что подобное обстоятельство противоречило принципу – наступать там, где противник более всего ослаблен, то есть между Смоленском и Великими Луками в направлении на Ржев». Впоследствии многие немецкие генералы именно поворот на север и на юг, осуществленный в августе – сентябре, называли одной из главных причин краха блицкрига. Между тем даже если бы Гитлер дал группе армий «Центр» необходимые подкрепления за счет других групп армий, все равно наступление на Москву замедлилось бы из-за необходимости направлять дополнительные силы для отражения фланговых угроз с севера и юга, со стороны советских Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, и все равно немцы не успели бы достичь своей цели до зимы.

В тактическом отношении Смоленское сражение выиграл вермахт. С 10 июля по 4 августа в боях за Полоцк, Витебск, Смоленск и Могилев было взято в плен около 300 000 советских солдат, подбито и захвачено более 3 тыс. танков. Примерно столько же советских солдат ранее было захвачено в плен в Белоруссии. Однако ценой больших потерь советское командование смогло значительно замедлить продвижение противника на московском направлении. Однако блицкриг еще не был сорван, и захват Киева и Донбасса, равно как и блокада Ленинграда, осуществлялись немцами еще в рамках осуществления стратегии «молниеносной войны».

Сталин расценил Смоленское сражение как крупное поражение Красной Армии. 29 июля Жуков был снят с поста начальника Генштаба и назначен командующим Резервным фронтом. Этому предшествовали драматические события. 1 июля 1953 года Лаврентий Берия, арестованный и опасавшийся, что его скоро убьют, писал бывшим товарищам по Президиуму ЦК: «Т.Т. Маленков и Молотов хорошо должны знать, что Жуков, когда его сняли с Генерального штаба по наущению Мехлиса, ведь его положение было очень опасно, мы вместе с вами уговорили назначить его командующим фронтом и тем самым спасли будущего героя нашей Отечественной войны...» Сталин хотел сделать из Жукова «козла отпущения» за поражение в Смоленском сражении, и только заступничество других членов ГКО разрядило ситуацию. Жуков был назначен командующим Резервным фронтом и провел успешную операцию по освобождению Ельни.

Миф блокады Ленинграда

Главный миф, связанный с блокадой Ленинграда, заключается в утверждении, что осенью 1941 года, сразу после того как войска группы армий «Север» замкнули кольцо блокады вокруг города, Гитлер намеревался взять Ленинград штурмом, и только умелые действия нового командующего Ленинградским фронтом генерала Г.К. Жукова предотвратили захват города немцами. На самом же деле Гитлер собирался штурмовать Ленинград только год спустя, осенью 1942 года, для чего и перебрасывал тяжелую осадную артиллерию из-под Севастополя вместе со штабом действовавшей там 11-й армии во главе с фельдмаршалом Эрихом фон Манштейном под Ленинград. Осенью же 1941 года немцы не собирались штурмовать Ленинград. И не отсутствие осадной артиллерии было здесь главной причиной, а стремление Гитлера сосредоточить все силы на московском направлении, чтобы постараться разбить здесь советские войска и захватить Москву еще до осенней распутицы. Частным мифом является утверждение, что власти не позаботились о сосредоточении в Ленинграде достаточных запасов продовольствия, чтобы население города могло выдержать длительную осаду.

На самом деле о чем городские и союзные власти действительно не позаботились, так это о том, чтобы эвакуировать из Ленинграда как можно больше жителей до того как он оказался в блокаде. Это можно объяснить тем, что в первые недели войны почти никто в СССР не предполагал, что немцы дойдут до Ленинграда.

До 27 августа, когда железнодорожное сообщение Ленинграда с остальной страной было перерезано, из города вывезли 164 тыс. рабочих и служащих вместе с 86 оборонными предприятиями и 220 тыс. детей. Однако 175 тыс. детей было вывезено в районы Ленинградской области, и когда эта территория была оккупирована немцами, их пришлось вернуть обратно в Ленинград.

8 сентября войска 18-й немецкой армии взяли Шлиссельбург и вышли на южный берег Ладожского озера, а еще ранее перерезали железную дорогу Ленинград – Москва. «Северная столица» оказалась в блокаде на 871 день.

В момент установления блокады в городе находилось 2 млн 544 тыс. человек, в том числе около 400 тыс. детей. Еще 343 тыс. человек проживало в пригородах, которые тоже оказались в блокадном кольце.

В результате бомбардировки 8 сентября загорелись крупнейшие в Ленинграде Бадаевские продовольственные склады. Вопреки расхожему мнению, они отнюдь не выгорели полностью, и этот пожар никак не мог быть причиной последующего голода. На самом деле на Бадаевских складах сгорел только трехсуточный запас сахара и примерно полуторасуточный запас муки. Всех же запасов на этих складах городу хватило бы максимум на два дня. Ведь почти трехмиллионный город в мирное время снабжался продовольствием, что называется, «с колес». Ежедневно в него доставлялось необходимое продовольствие из других регионов страны. Создать стратегические запасы продовольствия для Ленинграда было в принципе невозможно. Например, в первые дни блокады при весьма скудных нормах ежедневно в городе расходовалось 2100 т муки. Полугодовой запас муки составил бы более 360 тыс. т. В городе даже не было складов для хранения таких гигантских запасов продовольствия. Голод был неизбежен.

«Дорога жизни» через Ладожское озеро, ставшая единственным путем сообщения с Большой землей, могла только покрыть потребности войск в боеприпасах, продовольствии и медикаментах и лишь в минимальной степени была способна удовлетворить нужды мирного населения.

Еще 6 сентября 1941 года Гитлер приказал к 15 сентября передать из состава группы армий «Север» в группу армий «Центр» 3-ю танковую группу Гепнера и один из авиакорпу-

сов 1-го воздушного флота для подготовки наступления на Москву. Без этих сил успешный штурм Ленинграда был невозможен, да и Гитлер вообще хотел избежать штурма города, опасаясь больших потерь. 18 сентября Гальдер сообщил в штаб группы армий «Север», что он и Браухич полагают целесообразным овладеть городом в результате голодного изнурения, а не посредством применения оружия. Фон Лееб на несколько дней задержал у себя танковые дивизии Гейпнера, рассчитывая ворваться в город. Когда это не удалось, он продолжал атаки, чтобы приковать войска Ленинградского фронта к обороне пригородов и не позволить им прорвать кольцо блокады. 22 сентября фон Лееб записал в дневнике: «Наступления на Петербург и его взятия быть не должно. Его необходимо только окружить и уничтожить артиллерийским огнем и атаками с воздуха. Все подготовительные мероприятия с целью занятия города и использования его в своих интересах должны быть прекращены».

13 сентября Жуков сменил Ворошилова во главе Ленинградского фронта. Он сразу же приказал за отступление без его письменного приказа расстреливать всех командиров, политработников и красноармейцев. 15 сентября немцы вывели из-под Ленинграда основные соединения 1-го воздушного флота, а 18–21 сентября отсюда ушли семь дивизий 4-й танковой группы. Только после этого советские войска смогли остановить немецкое наступление на ленинградские пригороды, но прорвать блокадное кольцо в районе станции Мга, где навстречу войскам Ленинградского фронта наступала 54-я армия маршала Григория Кулика, не удалось.

28 сентября Жуков издал шифрограмму за № 4976: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны». Сообщая об этом приказе 5 октября секретарю ЦК Георгию Маленкову, начальник Главного политуправления ВМФ Иван Рогов отмечал, что он противоречит приказу Ставки № 270 от 16 августа, согласно которому семьи добровольно сдавшихся врагу подлежали только ссылке, но не расстрелу. Можно предположить, что после отъезда Жукова с Ленинградского фронта его бесчеловечный приказ о расстреле семей пленных больше не применялся.

Сталин же больше думал о спасении войск, окруженных в Ленинграде, а не мирного населения. В ночь на 23 октября он отдал такой приказ Военному совету Ленинградского фронта: «Судя по Вашим медлительным действиям, можно прийти к выводу, что Вы еще не осознали критического положения, в котором находятся войска Ленфронта. Если Вы в течение нескольких ближайших дней не прорвете фронта и не восстановите прочной связи с 54-й армией, которая Вас связывает с тылом страны, все Ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо не только для того чтобы снабжать войска Ленфронта, но и особенно для того чтобы дать выход войскам Ленфронта для отхода на восток для избежания плена, если необходимость заставит сдать Ленинград. Имейте в виду, что Москва находится в критическом положении и она не в состоянии помочь Вам новыми силами. Либо вы в эти два-три дня прорвете фронт и дадите возможность нашим войскам отойти на восток в случае невозможности удержать Ленинград, либо вы все попадете в плен.

Мы требуем от вас решительных и быстрых действий.

Сосредоточьте дивизий восемь или десять и прорвитесь на восток. Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан, и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важнее. Требуем от вас решительных действий.

Сталин».

Если бы в октябре или ноябре 1941 года блокаду удалось бы прорвать, можно не сомневаться, что войскам Ленинградского фронта приказали бы оставить осажденную «Северную столицу» и прорываться на восток. В этом случае судьба населения Ленинграда могла бы оказаться еще более трагичной, чем оказалась в действительности. Немцы не смогли бы прокормить ленинградцев зимой 1941/42 года, как не смогли прокормить они миллионы военнопленных. Для этого у немецкой армии не было ни необходимых запасов продовольствия, ни воли политического руководства в лице Гитлера.

С 1 октября 1941 года рабочие и инженерно-технические работники стали получать по карточкам 400 граммов хлеба в сутки, а иждивенцы – по 200 граммов. Если бы карточная система была введена не с начала сентября, а раньше, хотя бы в июле, и если бы тогда же началась массовая эвакуация, это могло бы спасти десятки и сотни тысяч жизней. 20 ноября норма достигла абсолютного минимума – 250 граммов – для рабочих и ИТР, 125 – для иждивенцев. Эти голодные нормы сохранялись до 25 декабря, когда благодаря «Дороге жизни» их удалось повысить на 100 граммов для рабочих и на 75 – для иждивенцев. Тем не менее в январе 42-го смертность достигла максимума. Умерло почти 100 тыс. человек. 24 января произошло новое существенное повышение норм. Рабочие стали получать 400 граммов хлеба, служащие – 300, иждивенцы и дети – 250. В городе были случаи трупоедства и людоедства. Только с декабря 1941 года по июнь 1942 года было расстреляно более 2100 каннибалов и трупоедов.

18 января 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду. За 18 дней строители проложили линию Шлиссельбург – Поляна. 7 февраля в Ленинград пришел первый эшелон с Большой земли. Всего до конца 1943 года в город прибыло 3104 поезда.

Полностью осада с Ленинграда была снята в ходе Ленинградско-Новгородской операции Ленинградского и Волховского фронтов 14–27 января 1944 года.

Число жертв голода, бомбардировок и обстрелов среди мирного населения Ленинграда за время блокады оценивается от 650 тыс. до 1 млн человек. Цифра в 650 тыс. жертв блокады – это приблизительное число захоронений 1941–1944 годов на двух главных мемориальных кладбищах – Пискаревском и Серафимовском. В это число не входят беженцы из оккупированных районов, которых было немало. Когда в январе 1944 года блокада была окончательно снята, в Ленинграде оставалось всего 560 тыс. жителей.

Миф Киевского окружения

Главный миф, связанный с окружением основных сил Юго-Западного фронта в районе Киева, заключается в утверждении маршала Жукова, что его можно было бы предотвратить, если бы Сталин послушал его, Жукова, совет, данный еще 29 июля, и приказал бы сдать Киев и отвести войска Юго-Западного фронта за Днепр. Будто бы именно за этот совет Жуков был снят с поста начальника Генштаба.

В действительности события разворачивались следующим образом. В середине июля войска 1-й танковой группы генерала Эвальда фон Клейста и 6-й немецкой армии генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау были остановлены на рубежах Киевского УРа у реки Ирпень частями 37-й армии генерала Андрея Власова и контрударами 5-й армии генерала Михаила Потапова и 6-й армии генерала Ивана Музыченко.

Однако вскоре в связи с прорывом 17-й немецкой армии генерала Карла фон Штюльпнагеля к Первомайску 6-я армия и 12-я армия Григория Понеделина были окружены в районе Умани. К 13 августа немецкие войска, не превышавшие 100 тыс. человек, взяли 103 тыс. пленных, вырваться смогли только 11 тыс. человек.

Доклад Жукова в Ставку о положении на юго-западном направлении действительно существовал, но он был сделан не 29 июля, а 19 августа. Там утверждалось: «Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает ближайшие наши возможности... Для противодействия противнику и недопущения разгрома Центрального фронта и выхода противника на тылы Юго-Западного фронта считаю своим долгом доложить свои соображения о необходимости как можно скорее собрать крепкую группировку в районе Глухов, Чернигов, Конотоп. Эшелон прикрытия сосредоточения сейчас же выбросить на реку Десна...» После Уманьского «котла» предсказать такой ход немцев было уже несложно, а прямого предложения оставить Киев в докладе не было.

Но еще 4 августа Гитлер собрал в белорусском городе Борисове совещание командования группы армий «Центр», на котором приказал повернуть 2-ю армию и 2-ю танковую группу на юг, временно отказавшись от наступления на Москву.

К середине августа группа армий «Юг» вышла к Днепру на участке от Херсона до Киева. 19 августа 2-я армия из группы «Центр» взяла Гомель. Это еще больше укрепило Гитлера в намерении перед наступлением на Москву разгромить Юго-Западный фронт.

16 августа главнокомандующий юго-западного стратегического направления маршал Семен Буденный предложил отвести войска Юго-Западного фронта за Днепр, чтобы высвободить силы для отражения угрозы с севера. 19 августа отход был санкционирован директивой Ставки. На правом берегу приказано было удерживать только Киевский укрепленный район. 20 августа немецкая 1-я танковая армия вышла к Днепру у Запорожья и захватила понтонную переправу у Днепропетровска. В тот же день 17-я немецкая армия форсировала Днепр у Кременчуга и создала плацдарм, куда были переброшены также части 1-й танковой группы.

В изданной 21 августа директиве, подписанной Гитлером, говорилось: «Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Северский Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками».

24 августа 2-я танковая группа начала наступление на Конотоп. 3-я танковая дивизия генерала Вальтера Моделя сумела невредимым захватить 700-метровый мост через Десну восточнее Новгорода-Северского. Навстречу группе Гудериана из района Кременчуга наступала 1-я танковая группа. Против 2-й танковой группы действовал Брянский фронт Андрея

Еременко. Однако, оставив против него заслон из трех дивизий, группа Гудериана к концу августа смогла удержать два плацдарма на Десне – у Коропа и Новгорода-Северского. 7 сентября танки Гудериана вошли в Конотоп. В тот же день Буденный запросил разрешение отвести 5-ю армию Михаила Потапова, но получил отказ. 10 сентября 2-я танковая группа прорвалась к Ромнам. Немецкие войска наступали также с Кременчугского плацдарма. Стало ясно, что Юго-Западному фронту грозит окружение. Буденный и Кирпонос предложили сдать Киев и за счет войск Киевского укрепрайона попытаться отразить наступление Гудериана. Однако Сталин и Шапошников отход не разрешили. В Ставке еще надеялись, что войска Брянского фронта если и не разобьют Гудериана, то по крайней мере заставят его перебросить часть сил из группировки, пытавшейся окружить войска Юго-Западного фронта. Кроме того, Сталин и Шапошников полагали, что с кременчугского плацдарма наступают только пехотные дивизии 17-й армии, тогда как танковая группа Клейста действует против Южного фронта. В этом случае имелось еще достаточно времени для того чтобы предотвратить окружение основных сил Юго-Западного фронта. Но пытавшийся настаивать на немедленной сдаче Киева Буденный 13 сентября был заменен на посту главкома Юго-Западного направления маршалом Тимошенко. Между тем в этот день 3-я танковая дивизия Моделя из группы Гудериана подошла к Лохвице, а 16-я танковая дивизия Хубе из группы Клейста – к Лубнам. Между ними еще оставался 40-километровый коридор, через который войска Юго-Западного фронта могли отойти на восток. 14 сентября 1941 года в 3 часа 25 минут начальник штаба фронта генерал Василий Тупиков по собственной инициативе обратился к начальнику Генштаба и начальнику штаба главкома Юго-Западного направления с телеграммой, где просил дать разрешение на немедленный отход, предупреждая, что «начало понятной вам катастрофы – дело пары дней». В ответ Шапошников прислал разносную телеграмму, требуя прекратить отход.

16 сентября Тимошенко устно через начальника оперативного управления штаба Юго-Западного фронта Ивана Баграмяна передал Кирпоносу приказ об отводе войск фронта на рубеж р. Псел. Семен Константинович подстраховался на тот случай, если Сталин вновь запретит оставлять Киев, и тогда можно будет списать все на командование Юго-Западного фронта, якобы самовольно разрешившее отход. Но Кирпонос, помня указание Сталина не сдавать Киев, в 5 часов утра 17 сентября обратился в Москву за подтверждением разрешения на отход, так как связи со штабом Тимошенко в Харькове уже не имел. Только в ночь на 18 сентября Шапошников разрешил войскам 37-й армии оставить Киев, но ничего не сказал об отводе войск фронта. Однако еще вечером 17 сентября, за несколько минут до окончательной потери связи со штабами армий, Кирпонос успел передать приказ 5, 21, 26 и 37-й армиям на прорыв в восточном направлении. Находившимся вне «котла» частям 38-й и 40-й армий следовало поддержать выход войск фронта из окружения ударом на Ромны и Лубны. Но было уже поздно. Вечером 14 сентября у Лохвицы встретились передовые отряды 3-й танковой дивизии 2-й танковой группы и 9-й танковой дивизии 1-й танковой группы. В тот же день 16-я танковая дивизия захватила Лубны, создав мощный заслон на внутреннем фронте окружения. Кирпонос просил разрешения перенести свой КП из Прилук в Киев, чтобы попробовать организовать там круговую оборону, опираясь на значительные запасы вооружения и боеприпасов Киевского УРа, но Ставка запретила ему делать это. К 18 сентября, когда окруженные начали прорыв, немцы успели сосредоточить на вероятных путях отхода советских войск на восток крупные силы.

Тимошенко организовал контрудар в районе Ромны силами 2-го кавалерийского корпуса, 100-й стрелковой дивизии, 1-й и 129-й танковых бригад под общим руководством генерала Павла Белова. 16–23 сентября шло ожесточенное сражение за Ромны. Советские войска вступали в бой разрозненно, по мере прибытия. По признанию Гудериана, положение сложилось критическое, но Ромны немцам удалось удержать. Впрочем, если бы даже советские войска отбили этот железнодорожный узел, окруженным это нисколько не помогло бы, поскольку ни

одна группировка, пытавшаяся вырваться из окружения по направлению к Ромнам, не отходила. Новый, более перспективный контрудар в районе Лохвиц, который мог бы действительно помочь окруженным, Тимошенко организовал только 23 сентября, когда все крупные прорывающиеся группировки советских войск уже были разгромлены.

20 сентября сводная колонна штабов Юго-Западного фронта и 5-й армии была почти полностью уничтожена у хутора Дрюковщина, в 15 км юго-западнее Лохвицы. Погибли Кирпонос, член Военного совета фронта Михаил Бурмистенко, начальник штаба фронта генерал Василий Тупиков, десятки других генералов и старших командиров. Командующий 5-й армией генерал Михаил Потапов попал в плен. Соппротивление в «котле» продолжалось вплоть до 26 сентября.

Всего в немецкий плен в период с 31 августа по 26 сентября попало 533 тыс. бойцов и командиров Юго-Западного фронта. Еще 132 тыс. человек было захвачено в плен 2-й танковой группой и 2-й армией в районе Гомеля в период с 14 по 23 августа. Из этих цифр складывается итоговая цифра в 665 тыс., обнародованная в итоговой сводке ОКВ по завершении киевского сражения. Из окружения смогли выйти только 21 тыс. человек.

Причина поражения заключалась в том, что Сталин и Шапошников любой ценой стремились удержать Киев и слишком надеялись на Брянский фронт, который должен был разбить танковую группу Гудериана. Наступление же Резервного фронта на Ельню фактически на руку немцам, так как отвлекало значительные советские силы от киевского направления. В то же время немецкое командование, перенеся основные усилия на юго-западное направление, готово было при необходимости оставить ельнинский выступ.

Миф обороны Одессы

Главный миф обороны Одессы заключается в утверждении, будто осаждавшие город румынские войска понесли в несколько раз больше потерь, чем оборонявший Одессу советский гарнизон, из-за чего для румын взятие Одессы обернулось пирровой победой.

Гитлер обещал диктатору (кондуктору) Румынии Йону Антонеску отдать румынам Одессу вместе с территорией между Днестром и Бугом, официально именуемой в Бухаресте Транснистрией. На Одессу наступали только румынские войска, значительно уступавшие по боеспособности вермахту. Одесская военно-морская база создавала серьезную угрозу Румынии, так как находилась примерно в 300 км от Констанцы и моста через Дунай у Чернавод и в 200 км от Бухареста и нефтяного района Плоешти. Антонеску настоял, чтобы захват Одессы был чисто румынской операцией. Бои за город начались 5 августа 1941 года. Румыны датируют первые бои за Одессу 8 августа, когда штаб 4-й румынской армии выпустил директиву, которой предписывалось разгромить советские войска между Днестром и Тилигульским лиманом и взять Одессу с ходу. Однако советские войска опирались на прикрывавшие Одессу укрепления, и взять Одессу с ходу румынам не удалось. Пришлось долго прогрызать три линии обороны с дзотами и противотанковыми рвами. 13 августа румынские войска восточнее Тилигульского лимана вышли к побережью моря и полностью блокировали Одессу с суши. Город обороняли войска Одесского оборонительного района под командованием контр-адмирала Гавриила Жукова, состоящие из Отдельной Приморской армии, которой командовал генерал Георгий Софронов, а с начала октября – Иван Петров. Их поддерживал отряд кораблей Черноморского флота. Общая численность обороняющихся составляла более 130 тыс. человек.

Благодаря упорной обороне советских войск румынская 4-я армия генерала Николае Чуперкэ, насчитывавшая 340,2 тыс. человек, несмотря на более чем двукратное численное превосходство, почти полтора месяца пробивалась к одесским окраинам. Уже 13 августа наступление пришлось приостановить, так как потребовались подкрепления. 17 августа румыны захватили городские резервуары с водой. Однако дальнейшее продвижение было остановлено советскими контратаками. Узкий фронт обороны (первая линия обороны не превышала 80 км в периметре и располагалась в 25–30 км от центра города, а по мере отступления к Одессе боевые порядки обороняющихся уплотнялись) не позволял румынам использовать свой численный перевес. Только 14 сентября румынские войска вышли на ближние подступы к городу и получили возможность обстреливать порт из орудий. С помощью переброшенной из Новороссийска свежей 157-й стрелковой дивизии командование ООР организовало контрудар в Восточном секторе, выбросив морской десант в районе Григорьевки (одновременно в тыл противника был сброшен парашютный десант) и к 24 сентября освободив Чебанку и Старую и Новую Дофиновку. Румынские войска отступили на 6 км и потеряли возможность обстреливать гавань из тяжелых орудий. Однако в конце сентября 11-я немецко-румынская армия Манштейна ворвалась в Крым. Стало ясно, что оборонявшая Крым 51-я отдельная армия генерала Федора Исидоровича Кузнецова противника не удержит. Немцы угрожали Севастополю, поэтому уже 30 сентября командование ООР получило приказ готовиться к эвакуации в Крым, которая и началась 1 октября. 16 октября последние корабли покинули порт. Всего в Крым было эвакуировано 86 тыс. солдат и офицеров, в том числе около 6 тыс. раненых, и 15 тыс. гражданского населения. Советские войска прикрыли отход активными боевыми действиями. В ночь 2 октября 1941 года советским войскам удалось окружить часть сил румынской 4-й армии, и только широкое использование румынами авиации спасло положение. Румыны не замечали отхода советских войск до самого последнего момента, а обнаружив его в последний день, долго пробивались сквозь плотные минные поля.

Германское командование беспокоило, что румыны никак не могут овладеть Одессой. Начальник Генштаба Франц Гальдер 20 августа записал в дневнике: «Одесса все еще продолжает вызывать беспокойство. К северо-западной окраине города подошла только одна румынская пограничная дивизия. Пока еще вызывает сомнение вопрос, доросло ли румынское командование и его войска до выполнения такой задачи». В ночь на 9 октября, прикрывая эвакуацию, советские войска контратаковали и взяли до 500 пленных и штаб 33-го румынского пехотного полка. 11 октября командование группы армий «Юг» обещало румынскому командованию предоставить к 24 октября немецкую пехотную дивизию и тяжелую артиллерию для нового штурма Одессы. Однако из-за эвакуации советских войск этот вопрос отпал.

Потери советских войск в ходе обороны Одессы составили, по официальным данным, 41 268 человек (16 578 убитыми и пропавшими без вести и 24 690 ранеными и больными). Эти данные кажутся значительно приуменьшенными, особенно в части безвозвратных потерь. По румынским данным, под Одессой было взято около 16 тыс. советских военнопленных. Тогда получается, что при обороне Одессы советские войска практически не имели потерь убитыми, что абсурдно. Можно предположить, что безвозвратные потери в реальности были в 2–3 раза выше и составили никак не менее 33 тыс. человек. Румынские войска потеряли 92 545 человек (17 729 убитыми, 63 345 ранеными и 11 471 пропавшими без вести), а также 19 танков и 205 орудий и минометов. Скорее всего, безвозвратные потери сторон были примерно равны между собой или даже небольшое превосходство было на румынской стороне, а раненых в румынской армии было в 2,6 раза больше. По румынским данным, было уничтожено 151 советский самолет и 20 румынских самолетов. Советский флот потерял 46 транспортов, из которых 12 были потоплены авиацией, а большинство погибло на своих минных полях или вследствие кораблекрушений. Большинство советских самолетов было уничтожено на земле атаками с воздуха или артобстрелом, особенно в последние недели обороны города, когда вся его территория простреливалась румынской артиллерией. Советская сторона утверждала, что было уничтожено около 200 румынских самолетов и около 100 танков, что преувеличивало истинные потери соответственно в 10 и 5 раз. В советских донесениях также утверждалось, что было выведено из строя до 160 тыс. румынских солдат и офицеров, что преувеличивало истинные потери в 1,7 раза.

Миф Вяземского окружения

Главный миф Вяземского окружения в октябре 1941 года заключается в том, что поражение советских войск было обусловлено подавляющим численным превосходством вермахта как в людях, так и в боевой технике.

В действительности у советского командования было достаточно сил и средств, чтобы отразить ожидавшееся немецкое наступление на западном направлении, но при условии, если бы действовавшие там войска координировались бы из единого центра и было бы правильно определено направление главных ударов немецких войск.

30 сентября 1941 года в полосе обороны Брянского фронта генерала Андрея Еременко, а 2 октября – в полосе обороны Западного фронта генерала Ивана Конева и Резервного фронта маршала Семена Буденного войска германской группы армий «Центр» фельдмаршала фон Бока начали реализацию плана «Тайфун» – генерального наступления на Москву. Директива же о переходе к обороне на западном направлении была отдана Ставкой ВГК только 27 сентября 1941 года. За три дня подготовить оборону не было никакой возможности.

Численность личного состава группы армий «Центр» в начале октября составляла 1929 тыс. человек, из которых около 1,8 млн участвовало в операции «Тайфун». У них имелось 1387 самолетов и около 1700 танков. Им противостояли войска трех советских фронтов, имевшие 1252 тыс. человек личного состава, до 1300 танков, 936 самолетов, в том числе 545 истребителей на линии фронта около 730 км. Командование Западного фронта и Ставка Верховного Главнокомандования неправильно определили наиболее вероятное направление вражеского удара, считая, что он будет наноситься вдоль шоссе Смоленск – Москва, хотя имевшиеся в штабах фронтов и в Ставке данные о группировке немецких войск позволяли определить, что главные удары противник будет наносить на флангах, чтобы окружить советские войска, обороняющиеся на подступах к Москве.

Ошибкой была и дислокация четырех армий Западного и Резервного фронтов на тыловом оборонительном рубеже. После прорыва обороны они не смогли ни нанести контрудар, ни задержать продвижение противника и были разбиты. Лучше было бы использовать их для удержания главной полосы обороны.

Советские войска на московском направлении очень плохо управлялись. Командующие Западного, Резервного и Брянского фронтов практически не координировали своих действий друг с другом. Не осуществляла такой жизненно необходимой координации и возглавляемая Сталиным Ставка. Еще хуже было то, что войска Западного и Резервного фронтов располагались чересполосно, причем большинство армий Резервного фронта, являясь вторым эшелоном Западного, командующему этим последним не подчинялись. Из-за недостатка средств радиосвязи и боевого опыта командующие армиями и фронтами больше полагались на проводную связь и на посылаемых в войска делегатов. Но в боевых условиях проводная связь часто рвалась, а делегаты не могли разыскать штабы, часто менявшие место дислокации из-за того, что противник прорвал фронт и приходилось быстро отступать.

В составе трех фронтов имелось 16 армий, в подчинении которых, в свою очередь, находились 95 дивизий и 13 танковых бригад. На один армейский штаб в среднем приходилось 7 с небольшим дивизий и около одной танковой бригады. Это было в полтора-два раза больше, чем в одном немецком армейском корпусе, насчитывавшем от 3 до 5 дивизий. После катастрофических поражений первых месяцев войны из-за недостатка штабных кадров были ликвидированы корпусные штабы. Но фактически роль корпусов стали играть армии, а роль армий – фронты, число которых постоянно росло.

На Москву в октябре 1941 года наступали три полевые армии и три подчиненные им танковые группы. Все они были объединены в одну группу армий «Центр». Соответственно,

для противостоявших им советских войск оптимальной была бы следующая структура: один фронт, 3–4 армии, 16 корпусных штабов. А вот число дивизий легко можно было уменьшить, чтобы не перегружать корпусные штабы. Ведь средств связи у наших войск было меньше, чем у немцев. Поэтому дивизий стоило бы иметь меньше, но относительно большей численности, чтобы уменьшить общее число дивизий и повысить за счет этого обеспеченность их штабов радиостанциями. Но советская Ставка, наоборот, уменьшала штат дивизии, увеличивая их общее число.

Командующие советскими фронтами, быстро потеряв связь с войсками, направились в те армии, которые, как они думали, подверглись главным ударам противника, оставив свои штабы на прежних местах дислокации. То же произошло и со многими командующими армиями. В результате войска получали противоречащие друг другу приказы и от командующих, и от их штабов, а также от Ставки. Параллельно командующие искали свои штабы, штабы – командующих, а Ставка – и тех, и других. Приказ на отход был получен лишь вечером 5 октября, но уже 7 октября танковые группы Гудериана и Гота замкнули кольцо вокруг Вязьмы. И лишь 12 октября все войска, действовавшие на западном направлении, были объединены под командованием новоназначенного командующего Западным фронтом Георгия Жукова.

Между германскими авангардами и Москвой почти не осталось советских войск. Разведывательные подразделения немцев доходили до окраин столицы. Но вермахт вторгся в СССР всего лишь с трехмесячным запасом горючего, который иссяк к середине октября. Для продолжения наступления требовалось подвезти продовольствие, бензин и боеприпасы, а этому мешала распутица. К тому же до 14 немецких дивизий сковывала державшаяся до 20 октября окруженная группировка, которую возглавил командующий 19-й армией генерал Михаил Лукин. Немцы взяли 663 тыс. пленных, захватили 1242 танка и 5412 орудий. Это было наибольшее число пленных и трофеев, взятых вермахтом в одном окружении. Немецкие потери убитыми и ранеными не превышали 50 тыс. человек. Из Вяземского «котла» удалось выйти 85 тыс. человек, а из Брянского – около 23 тыс. Еще 98 тыс. военнослужащих трех фронтов избежали окружения. Больше войск на дальних подступах к Москве в тот момент не было. Благодаря сопротивлению окруженных было выиграно время для организации обороны Москвы. Но в еще большей мере начавшаяся во второй половине октября распутица не позволила вермахту сразу же развить наступление на Москву и использовать свое преимущество в мобильности войск. Бывший командующий 3-й танковой группой Г. Гот не без оснований утверждал: «Не русская зима, а осенние дожди положили конец немецкому наступлению. Дождь лил днем и ночью, дождь шел непрерывно, вперемешку со снегом. Дороги размокли, и движение приостановилось. Недостаток боеприпасов, горюче-смазочных материалов и продовольствия определял тактическую и оперативную обстановку последующих трех недель» – вплоть до середины ноября, когда подморозило и немцы смогли начать широкомасштабное наступление на московском направлении. Но не менее важным было то, что новый командующий Западным фронтом Г.К. Жуков сумел из уцелевших войск и переброшенных с востока дивизий создать достаточно прочную оборону на подступах к столице.

Миф Московской битвы

Есть два рода мифов, связанных с обороной Москвы и советским контрнаступлением. С одной стороны, многими, особенно за пределами России, победа Красной Армии в битве под Москвой воспринимается как чудо. Единственный раз за всю советско-германскую войну вермахт имел весьма значительное превосходство в людях и технике, но так и не смог его реализовать. С другой стороны, советская историография настаивала, что победа под Москвой была прежде всего следствием превосходства социалистической системы над капиталистической и неимоверной стойкости советского народа и его веры в конечное торжество коммунизма. При этом игнорировались объективные факторы, обеспечившие советскую победу.

18 октября Сталин направил телеграммы в Уральский, Сибирский и Приволжский округа, требуя подготовить к концу ноября для введения в бой имеющиеся там 40 дивизий. Они сыграли важную роль как при обороне столицы, так и особенно в ходе контрнаступления.

С 20 октября в столице было объявлено осадное положение и введен комендантский час с полуночи до 5 часов утра. Постановление ГКО о военном положении предписывало провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Сталин, несмотря на угрозу падения города, остался в Москве. В распоряжение Жукова поступили резервы, и к началу ноября ему удалось остановить вражеское наступление, хотя немцы успели занять Можайск и Калинин. Здесь сказалась способность советского тоталитарного строя стойко переносить самые тяжелые поражения из-за отсутствия как организованной оппозиции, так и доступа основной массы населения к правдивой информации.

Одна из важных причин краха похода на Москву заключалась в том, что немецкое командование, опьяненное масштабом и быстротой победы под Вязьмой и Брянском, задумало чересчур широкое окружение Москвы, для которого не хватило сил и средств. Другая причина заключалась в чрезвычайно энергичных действиях новоназначенного командующего Западным фронтом Жукова, сумевшего в очень короткий срок создать новый фронт из переброшенных из глубины страны резервов и остатков вырвавшихся из окружения армий.

Также погодные условия больше мешали вермахту, чем Красной Армии. Из-за распутицы немцы могли наступать только по основным магистралям, что облегчало задачу обороняющихся. Возобновить генеральное наступление на Москву вермахт смог только 16 ноября, когда землю сковал мороз и кончилась распутица. За это время и были подтянуты резервы на Западный и Калининский фронты, которых хватило не только для успешной обороны, но и для контрнаступления.

Немцы бросили на Москву 51 дивизию, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных. Но все они были далеко не полного состава, так как не пополнялись с начала Восточной кампании. Фон Бок планировал еще до наступления сильных морозов окружить Москву, разбив фланговые группировки советских войск. Но сил для реализации столь обширного замысла у него не хватало, равно как не было сил и для лобового штурма Москвы. Впрочем, такой штурм Гитлер давно уже запретил, опасаясь больших потерь вермахта в уличных боях.

Советское сопротивление нарастало, и плотность обороны по мере отхода к Москве увеличивалась. Уже 21 ноября фон Бок всерьез засомневался в том, что его войскам удастся взять Москву. В конце ноября противнику удалось овладеть районом Клин, Солнечногорск, Истра. Но дальнейшему продвижению помешал произведенный советской стороной сброс воды из Истринского, Ивановского водохранилищ и водохранилищ канала имени Москвы. В результате образовался водяной поток высотой до 2,5 м и протяженностью до 50 км.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.